

СибАК
www.sibac.info

ISSN 2310-4058

**СХІХ СТУДЕНЧЕСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

№11(117)

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО
СТУДЕНТОВ ХХІ СТОЛЕТИЯ.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

г. НОВОСИБИРСК, 2022

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

*Электронный сборник статей по материалам СХІХ студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 11 (117)
Ноябрь 2022 г.

Издается с Октября 2012 года

Новосибирск
2022

УДК 3
ББК 60
Н34

Председатель редколлегии:

Дмитриева Наталья Витальевна – д-р психол. наук, канд. мед. наук, проф., академик Международной академии наук педагогического образования, врач-психотерапевт, член профессиональной психотерапевтической лиги.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета;

Купченко Константин Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Соловенко Игорь Сергеевич – д-р. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета.

Н34 «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки»:
Электронный сборник статей по материалам СХІХ студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. ООО «СибАК». – 2022. – № 11 (117) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [https://sibac.info/archive/social/11\(117\).pdf](https://sibac.info/archive/social/11(117).pdf).

Электронный сборник статей по материалам СХІХ студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки» – отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Статьи сборника «Научное сообщество студентов. Общественные науки»: размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 60

Оглавление

Секция «Политология»	5
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗАЦИЯ Устинова Наталья Сергеевна Шарая Арина Александровна Морозова Анастасия Игоревна	5
Секция «Социология»	16
НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ Ивашов Илья Юрьевич	16
Секция «Философия»	19
ОТ ИСТОРИИ-ЗНАНИЯ К ИСТОРИИ-ПАМЯТИ Митрошин Данила Андреевич Хабибуллина Зия Наиловна	19
РАЗМЫШЛЕНИЯ Ф. НИЦШЕ О «КОНЦЕ ЕВРОПЫ» Хабиров Алан Тимурович Хабибуллина Зия Наиловна	27
Секция «Юриспруденция»	33
ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНЫЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ Артёмова Джулиета Артемовна	33
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ Белова Анастасия Павловна	37
ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Кажарова Сатаней Зауровна Тимофеева Полина Игоревна Иваненко Игорь Николаевич	41
КОМПЛЕКСНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Корда Лариса Владимировна Бормотова Ладмила Валерьевна	49

ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Кукса Екатерина Николаевна Бреский Олег Валентинович	54
ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННЫХ СДЕЛОК В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Осипова Анастасия Марковна Федорова Ирина Александровна	61
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЕАЭС: ОСНОВНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ Сайфуллаев Джамшид Эркинович Самойлова Валентина Владимировна	69
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ В ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Сайфуллаев Джамшид Эркинович Самойлова Валентина Владимировна	76
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА И АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Севастьянов Виталий Денисович	80
ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ Тугова Надежда Сергеевна Корнилова Наталья Викторовна	86
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО Шишкина Александра Геннадьевна	89
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Ильницкая София Сергеевна Щербакова Виктория Юрьевна Иваненко Игорь Николаевич	93

СЕКЦИЯ
«ПОЛИТОЛОГИЯ»

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ:
ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗАЦИЯ**

Устинова Наталья Сергеевна

*студент,
кафедра государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: natuustinova@gmail.com*

Шарая Арина Александровна

*студент,
кафедра государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Морозова Анастасия Игоревна

*научный руководитель, канд. экон. наук, доц.,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

**DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION:
PRACTICAL IMPLEMENTATION**

Natalia Ustinova

*Student,
Department of State and Municipal Administration
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
Russia, Rostov-on-Don*

Arina Sharaya
Student,
Department of State and Municipal Administration
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
Russia, Rostov-on-Don

Anastasia Morozova
Scientific Supervisor, candidate
of economic sciences, associate professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается теоретическая и практическая стороны цифровизации государственного управления. Обозначается важность цифровизации. Проводится анализ достигнутого прогресса в этой области. Рассматривается цифровизация государственного управления на уровне Ростовской области.

ABSTRACT

The article reveals the theoretical and practical aspects of digitalization of public administration. The importance of digitalization is indicated. An analysis of the progress made in this area is being carried out. The digitalization of public administration at the level of Rostov region is considered.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, государственное управление.

Keywords: digitalization, informatization, digital transformation, digital technologies, public administration.

В последнее время, все чаще, звучит понятие «цифровизация» и связанные с ним термины. Цифровые технологии развиваются с высокой скоростью, что приводит к изменениям во всех сферах жизни общества. Исключением не стали

и социально-экономические системы, в которых эти изменения масштабны [1, с. 2225].

Актуальность работы: в 21 в. цифровые технологии и цифровизация сфер общественной жизни становится неотъемлемой частью действительности. Важной задачей является реализация проектов по цифровизации государственного и муниципального управления. Это даст возможность эффективно управлять данными и информацией, повышать доступность и качество предоставляемых услуг. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть, что уже сделано в этом направлении.

Новизна работы заключается в том, что в работе представлены примеры практической реализации цифровизации государственного управления.

Целью статьи является выявление особенностей цифрового государственного управления, рассмотрение достигнутых результатов в этой области.

Задачи:

- раскрыть понятие «цифровизация государственного управления»;
- рассмотреть достигнутые результаты в области цифровизации государственного управления как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта РФ;
- сформулировать проблемы цифровизации государственного управления и представить возможные варианты их решения.

Цифровизация – это «использование и внедрение новых технологий, основной целью которых является повышение эффективности и результативности деятельности государственных органов и органов МСУ» [2, с. 75].

Цифровизация – это серьезный инструмент, который позволяет решить множество проблем, например, упрощает обратную связь с гражданами.

С помощью цифровизации государственного управления можно решить следующие проблемы:

- недостаток достоверных сведений (данных);
- несвязанность контрольно-надзорных мероприятий с реальными рисками;

- отсутствие унифицированных средств связи для совместной и удаленной работы, что приводит к затрудненному взаимодействию между органами государственного управления и органами МСУ;

- непрозрачность бюджетного процесса и учета всех органов власти для федерального центра;

- наличие завышенных и дублирующих расходов на создание ГИС с идентичным функционалом;

- необходимость создания системы объективного контроля за исполнением задач, которые поставлены служащим, со стороны руководителей.

Считаем необходимым также рассмотреть результаты, которые были достигнуты в данной сфере.

Так одной из практических сторон цифровизации государственного управления является сайт Госуслуги, который сейчас успешно функционирует. По данным представленным главой Минцифры Максимумом Шадаевым на заседании комитета Государственной Думы по информационной политике, на 01.04.2022 количество пользователей портала «Госуслуги» составляет 96,4 млн. человек. А число обращений за электронными услугами государства в месяц увеличилось до 39,8 млн на 01.04.2022 г. с 20,3 млн на 01.01.2021 г. [3].

Также положительным результатом является функционирование единого портала органов государственной власти, сайта Президента РФ, сайта Правительства РФ, сайты палат Федерального Собрания РФ.

Немало важным направлением в цифровизации государственного управления является внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов государственного управления. И в этой области есть успехи. Так, МЧС представило систему искусственного интеллекта, которая поможет в прогнозировании уровня воды и температурных аномалий. Также в планах использование системы анализа изображений для выявления разрушений, пожаров, ДТП и т.д. В сфере здравоохранения также нашли применение искусственному интеллекту: он будет применяться для выявления опухолей различного генеза и признаки

COVID-19 на КТ-изображениях, что позволит эффективнее проводить предупреждение заболевания и лечение пациентов [4, с.111].

Также огромная работа по цифровизации государственного управления проводится на уровне субъектов РФ. В качестве примера была выбрана Ростовская область. Основой цифровизации, в целом, в Ростовской области является государственная программа «Информационное общество», а относительно государственного управления реализуется региональная программа «Цифровое государственное управление».

Для начала обратимся к статистике [5].

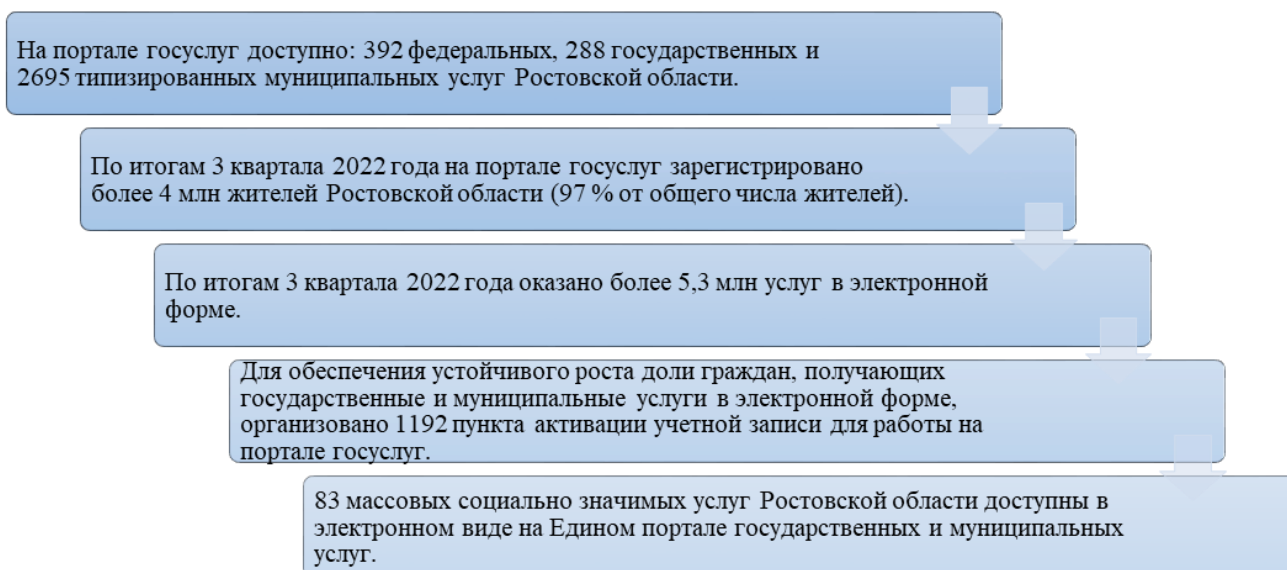

Рисунок 1. Статистические данные по направлению «Цифровизация государственного управления» в Ростовской области

На портале госуслуг зарегистрировано более 4 млн жителей области, что составляет 97% жителей области. Количество заявлений, поданных с использованием портала госуслуг [6]:

Диаграмма 1. Количество заявлений, поданных с использованием портала госуслуг

В четырех органах исполнительной ветви власти области обеспечен переход на электронные формы сбора данных от органов МСУ, спроектированы электронные реестры, разработаны аналитические отчеты, настроены автоматические уведомления.

На территории Ростовской области активно внедряется Платформа обратной связи. За 2021 г. через нее направлено более 170 тыс. обращений в органы власти.

Рассмотрим некоторые итоги цифровизации государственного управления в Ростовской области.

На основе существующей региональной системы межведомственного электронного взаимодействия было создано и внедрено программное обеспечение автоматизированной информационной системы комитета по управлению архивным делом Ростовской области.

Была проделана огромная работа:

созданы автоматизированные рабочие места работников архивных учреждений, позволяющие учитывать обращения за услугами, отслеживать сроки их исполнения, готовить сведения в электронном виде в собственных личных кабинетах пользователей;

разработан электронный сервис, позволяющий предоставлять архивные сведения в рамках межведомственного взаимодействия с ОПФР по РО и опубликовать их в РСМЭВ;

создана система автоматизированной маршрутизации запросов в соответствующие архивные учреждения и приема ответов на запросы из архивных учреждений в электронном виде;

создана система защиты от нерегламентированного доступа на базе механизмов аутентификации (идентификации) работников архивных учреждений в сочетании с разграничением доступа к информации и функциям подсистем, ролям и отдельным пользователям;

создана система мониторинга и статистической отчетности, характеризующая процесс архивных сведений, в том числе с использованием РСМЭВ.

Рисунок 2. Работы по внедрению программного обеспечения автоматизированной информационной системы комитета по управлению архивным делом Ростовской области

Итогами стали:

- Упрощение и облегчение процесса подачи архивных запросов.
- Снижение нагрузки в области работы с посетителями.
- Достижение определенного прогресса в решении поставленных Президентом Российской Федерации задач увеличения доли граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и повышения уровня удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг.

В настоящее время на территории Ростовской области реализуется проект, ориентированный на создание электронного архива, в котором будут храниться не просто электронные документы, а электронные подлинники документов. Для хранения такой документации во всех органах исполнительной власти и муниципальных образованиях Ростовской области установлена система «Архивное дело». Количество пользователей в ней составляет 1470 человек, количество документов – 281,5 тыс.

В настоящее время на территории Ростовской области реализуется проект, ориентированный на создание электронного архива, в котором будут храниться не просто электронные документы, а электронные подлинники документов. Для хранения такой документации во всех органах исполнительной власти и муниципальных образованиях Ростовской области установлена система «Архивное дело». Количество пользователей в ней составляет 1470 человек, количество документов – 281,5 тыс.

Донской регион – первый в России участник пилотного проекта по обмену электронными документами с Аппаратом Правительства России и федеральными органами исполнительной власти.

Очень важно, что Ростовская область является одной из первых в сфере взаимодействия с ФСО России. Перевод областных информационных ресурсов в защищенный государственный сегмент сети «Интернет» (RSNet), несомненно, позволил в значительном объеме минимизировать риски утечки информации и повысить стабильность работы региональных сайтов в целом.

Так же в Ростовской области с 2018 года функционирует Региональный портал малых закупок, позволяющий заказчикам подобрать поставщика, предлагающего наилучшее по соотношению цены и качества коммерческое предложение.

Необходимо отметить, что на портале не только заказчики могут размещать свои заявки, но и бизнес-структуры в открытом доступе представляют свои коммерческие предложения с ценами. При этом документооборот осуществляется в электронной форме, что способствует ускорению и упрощению процедуры закупок. Так, за годы функционирования электронного портала объем закупок на нем составил около 10 млрд. руб., а экономия бюджетных средств, которой кстати ранее вообще не было при таких закупках, достигла 300 млн. руб. (около 3%). К настоящему времени на портале зарегистрировано более 15 тыс. фирм, большая часть которых являются региональными производителями. Таким образом, региональные электронные магазины способствуют эффективному взаимодействию государства и регионального бизнеса, так как электронизация закупок у единственного поставщика ведет, с одной стороны, к оптимизации расходования бюджетных средств, а с другой, появляется новая прозрачная ниша сбыта продукции местных производителей.

В 2021 году прорабатывается возможность проактивного оказания услуг – это ситуация, когда услуга предоставляется в автоматическом режиме по факту возникновения такого права. Хороший пример такой услуги – разрешение на хранение оружия для охотников. При смене места регистрации информационные системы МВД сами получают информацию из цифрового профиля или личного кабинета госуслуг. И через пять дней охотнику звонит участковый с

информацией о том, что новое разрешение на хранение уже выписано, и предлагает ему прийти осмотреть помещение.

В этом году организован пилотный проект по использованию искусственного интеллекта на базе межведомственной системы электронного документооборота и делопроизводства «Дело». Интеграция позволит осуществлять автоматическую регистрацию обращений граждан, поступающих в ПОС, повысить оперативность реагирования на обращения, а также обеспечит обратную передачу из системы «Дело» в ПОС статусов обработки и результатов их рассмотрения.

Но существуют определенные риски и проблемы, связанные с цифровизацией государственного управления:

потеря управляемости в критических сферах государственного управления;
несанкционированное использование персональных данных;
возможность нарушений прав человека при автоматизированном принятии управленческих решений;
организационные риски (сопротивление органов власти переходу от ведомственной информатизации к платформенным решениям);
киберпреступность;
цифровое неравенство;
отставание нормативно-правовой базы от развития технологий;
формирование полностью контролируемого цифрового пространства;
создания ценностно-смысловых и информационных капсул для каждого пользователя с учетом личных особенностей в восприятии информации.

Рисунок 3. Риски и проблемы, связанные с цифровизацией государственного управления

Предлагаем возможные варианты решения проблем, указанных выше:

- развитие и активное применение технологии блокчейн и больших данных;
- разработка проектов на устранение неравенства в цифровой сфере
- активное внедрение курсов переподготовки и повышения квалификации госслужащих по направлениям, связанными с цифровизацией государственного управления.

Цифровизация государственного управления стала неотъемлемой частью нашей жизни, и несмотря на то что впереди еще много работы в этом направлении, на данный момент уже много достигнуто.

Цифровизация государственного управления позволяет повысить качество оказываемых государством услуг и осуществляемых им функций, оптимизировать расходы, привлечь население к решению наиболее важных проблем.

Но цифровизация государственного управления кроме всех ее плюсов и возможностей, связанных с ней, имеет и ряд проблем, которые необходимо решить.

Реализация всех возможностей и устранение проблем цифровизации государственного управления позволит сделать его:

1. Открытым. Все данные и переписка будут храниться в открытом доступе. Это дисциплинирует управленцев и позволяет повысить эффективность обработки сообщений.

2. Эффективным. Для принятия оптимальных решений будет использоваться анализ данных со многих ресурсов.

3. Новаторским. Новые технологии всегда стимулируют новые методы управления. Например, использование, технология скайп для проведения личных консультаций руководителей, что облегчает коммуникации между центром и регионами.

Список литературы:

1. Кипервар Е.А., Мамай Е.В., Мизя М.С., Кипервар Е.А. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. – 2020. – Том 14. – № 10. – С. 2223-2242. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-veroyatnye-riski-i-novye-vozmozhnosti> (17.10.2022)
2. Конюкова О.Л., Летунов С.А. Роль цифровизации в государственном управлении // Global and regional research. – 2019. -Том: 1. -№: 1. – С: 74-79 [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38547930> (07.10.2022)
3. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20220405/gosuslugi-1781833741.html> (06.10.2022)

4. Никоненко Н. Д Лыкова А.М. Цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении России: проблемы и перспективы // Научный аспект. – 2020. -Том: 8 №: 4 С.1009-1014 [Электронный ресурс] URL: <https://na-journal.ru/4-2020-informacionnye-tehnologii/2817-cifrovye-tehnologii-v-gosudarstvennom-i-municipalnom-upravlenii-rossii-problemy-i-perspektivy> (08.10.2022)
5. [Электронный ресурс] URL: <https://minsvyaz.donland.ru/activity/1551/>
6. Отчет Губернатора Ростовской области о результатах деятельности Правительства Ростовской области за 2021 год [Электронный ресурс] URL:https://zsro.ru/upload/files/download/Otchet_gubernatora2021.pdf (08.10.2022)

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ивашов Илья Юрьевич

магистрант

*кафедры социологии и социальных технологий,
Череповецкого государственного университета,*

РФ, г. Череповец

E-mail: shil-j@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается деятельность и результаты народного контроля в г. Череповце, Вологодской области.

Ключевые слова: народный контроль, партийный проект, методы реализации проекта.

Народный контроль – это деятельность граждан и общественных организаций, направленная на пресечение противоправных действий должностных лиц, предпринимателей. Такая правозащитная деятельность активных общественных объединений и отдельных лиц необходима любому обществу как фактор сдерживания засилья бюрократии, роста коррупции, увеличения нарушений прав граждан.

«Народный контроль» – проект общероссийский, в г. Череповце он реализуется с декабря 2014 года эффективно и общенародно. В нем принимают участие более 250 горожан в возрасте от 23 до 67 лет.

В 2015 году начинали работу с мониторинга цен на социально значимые продукты, а в 2022 году проект насчитывает уже более 20 направлений работы: пресечение несанкционированной уличной торговли, продажи алкоголя и табака подросткам, контроль веса, инспектирование ярмарок, аптек, такси.

В направлении контроля качества и безопасности продукции осуществляется около 50 выходов в неделю. Череповецкий "Народный контроль" выявляет нарушение целостности упаковки и условий хранения на полках, несоответствие цены на прилавке и на кассе, обман потребителей по весу товара.

Первое место в рейтинге нарушений занимают продукты с истекшим сроком годности. За несколько лет совершено натронными контролерами более 4500 выходов в результате которых изъято из продажи более 15 тонн просроченной продукции и товаров сомнительного качества. Поверено более 2000 единиц весового оборудования.

Антирекорд по просрочке принадлежит консервам «Сардина в томатном соусе» – более 120 суток, второе место досталось шоколадному батончику «Snickers» – 115 суток, батончик «Ломтишка» занял третье место, он должен был быть утилизирован 106 суток назад. Также в просрочке оказались чипсы, кетчуп, горчичный порошок и яйцо перепелиное, пролежавшие лишний месяц на полке.

Большое внимание уделяется нелегальной продаже спиртосодержащей продукции, за время проекта совершено более 200 рейдов по аптекам, уличным точкам.

В результате жалоб жителей города пресекалась работа нелегальных точек продажи алкогольной продукции в ночное время и без лицензии. Только в 2019 году изъято около 500 бутылок, с начала 2020 года – еще около 300, всего за 5 лет более 1000 литров изъято из незаконного оборота и уничтожено. С целью контроля за продажей табачной продукции волонтеры совершили почти 140 выходов и по результатам незаконной торговли закрыто 30 точек.

«Народный контроль» следит и за несанкционированной уличной торговлей. В местах незаконной торговли не соблюдаются элементарные санитарные нормы, процветает антисанитария. Вероятность приобретения некачественной продукции достаточно высокая.

В течение нескольких лет проверены 248 выездных ярмарок, совершено 1200 выходов на очки уличной торговли. Многие рейды совершались совмест-

но с полицией. Например, в 1 полугодии 2022 года на нарушителей составлено 26 протоколов, торговля прекращена.

Проверено 118 пунктов приёма металла 118 выходов, из них выявлено и закрыто 11 несанкционированных; 108 точек продаж пиротехники (3 точки, расположенных в жилых домах закрыто), проверена продажа табачных изделий (в 21 объекта торговли обнаружена продажа бестабачных смесей). Также за время работы "Народного контроля" в городе было закрыто 27 точек продажи табака, которые находились ближе 100 метров от школ и детских садов, выявлено около 400 незаконно работающих предпринимателей.

В 2021 – 2022 году «Народный контроль» продолжил свою деятельность во всех направлениях и развил новые: деятельности ломбардов (поручение Центробанка), мониторинг цен на цифровые декодеры и приставки, безопасность детских площадок, питание в детских садах и школах (анкетирование родителей/законных представителей), мониторинг маркировки молочной продукции, маркировки меховых изделий, обуви. Участники проекта «Народный контроль» провели более 300 рейдов по детскому питанию, батутам, игрушкам и игровым комнатам, детским лагерям.

«Народный контроль» – это системная и целенаправленная работа, представляющая собой эффективную форму участия граждан и субъектов предпринимательства в развитии потребительского рынка, защите прав потребителей путем организации общественного контроля за качеством товаров и услуг, а также как и в обеспечении продовольственной безопасности страны.

Список литературы:

1. Бердникова Е.В., Куликова С.А., Митрохин В.А Народный контроль в действии. Саратов, 2021.с. 155.
2. Жилкина А.А. Общественная безопасность и народный контроль на муниципальном уровне. В книге: Актуальные проблемы местного самоуправления: история и современность. Материалы круглого стола. 2010. С. 11.
3. Пешков И.Ю., Коробейников М.С., Коробейников С.Н. Народный контроль//– URL: <http://e-koncept.ru/2016/46497.htm>.
4. <https://cherinfo.ru/news/106229-cerepoveckij-narodnyj-kontrol-podvel-itogi-raboty-za-pat-let>

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

ОТ ИСТОРИИ-ЗНАНИЯ К ИСТОРИИ-ПАМЯТИ

Митрошин Данила Андреевич

*студент,
кафедра философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Уфа
E-mail: mitroshin.dan@yandex.ru*

Хабибуллина Зия Наиловна

*научный руководитель, д-р филос. наук, доц.,
Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Уфа*

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка примирить две стороны истории: от исторического знания к исторической памяти. Неудивительно, что осмысление такого противостояния связано с одной стороны, с рационалистическим подходом к проблеме, с другой, нельзя не учитывать целостное историческое мировосприятие на уровне общественного сознания. Видимо, решение проблемы где-то посередине, когда учитываются мировосприятие общественного исторического сознания и нельзя игнорировать научные исторические данные.

Ключевые слова: история, знание, память, прошлое, гуманизм.

Среди социально-гуманитарных наук история занимает специфическое положение. Именно история выступает неким истоком, символизирующим духовно-значимые для каждого человека ценности через призму времени. В процессе своего развития история претерпевала порой самые крайние грани критического осмысления. Например, давление, оказываемое на историческую науку извне, в эпоху Модерна только нарастало. Оно было связано с постепен-

ным распространением грамотности и приобщением к истории, которая в умы граждан проникала как инструмент «нациестроительства».

О великой социальной роли истории писал еще И.Г. Фихте в своих «Речах к немецкой нации», созданными им под вдохновением от идей швейцарского педагога Песталоцци: «Среди единичных и особенных средств поднятия немецкого духа есть одно очень сильное – иметь вдохновляющую историю немцев этого периода в виде национальной и народной книги, нечто вроде Библии или книги псалмов... Но только такая история не должна наподобие хроники перечислять деяния и события, она должна, чудесным образом охватывая нас, без всякого нашего собственного содействия и ясного осознания, перенести в жизнь того времени, так чтобы нам казалось – мы ходим, стоим, решаемся, действуем вместе с ними, и все это не с помощью детского и вздорного вымысла, как часто происходит в столь многих исторических романах, но с помощью истины;...» [4]. Эти слова, некогда произнесенные Фихте перед его слушателями в Берлине, довольно противоречивы в том смысле, что в них смешиваются понятия, которые в наше время принято разделять: история-знание и история-память. Последнюю, при всем многообразии определений, различающихся в деталях, стоит понимать, как коллективное представление о прошлом.

Процесс изменения отношений между двумя этими «ипостасями» истории вообще довольно судьбоносен не только для нее самой и гуманитарного знания в целом, но и для обществ, значительная часть которых и по сей день глубоко национальна (в том смысле, что выстроена вокруг институтов, возникших в ходе европейского генезиса наций). Таким образом, мы задаемся двумя важными вопросами: 1) Что из себя представляет история в настоящее время? 2) Какой история должна быть?

Отвечая на первый вопрос, особенно внимательно следует рассмотреть состояние исторической науки в XIX – XX веках, когда собственно и начала осознаваться проблема конфликта между историей как наукой и историей-памятью. До XX столетия претензии к исторической науке касались в основном

того, что труд историка сводится к переписыванию летописей, посредством которого создается некоторое единое повествование. Чаще всего это повествование было пересказом событий политической истории, фиксировавшихся в источниках.

Так, для нашей страны образцом такого историка является Н.М. Карамзин, который как раз был наделен должностью придворного историографа, то есть, если переводить буквально, был именно тем, кто «пишет историю», а не изучает ее. Научного в современном понимании в работе Николая Михайловича предельно мало, и для ученых его многотомный труд является лишь важной вехой в истории самой же истории, в то время как в сознании масс Карамзин и в плане своего статуса, и в плане влияния своей версии репрезентации прошлого, является одним из авторитетов.

До сих пор в качестве прописных истин представляются заблуждения и некритично понятные сведения, вышедшие из-под пера Карамзина, при том, что в научном сообществе они уже давно рассматриваются в качестве мифов. Например, мифологически воспринимается эпоха Киевской Руси, с ее призыванием варягов, сказаниями о том, как князь Олег прибывал щит к вратам Царьграда и о том, как мстила за своего мужа княгиня Ольга. В современной историографии призывание варягов – вопрос дискуссионный, а героические мотивы, связанные Олегом и Ольгой, подвергаются сомнению через критику источника и стремление понять личность и мотивы летописца. Киевская Русь – время, малоизученное из-за его отдаленности и скудности источников. Здесь и вступает в силу основное рассматриваемое нами различие: в научном дискурсе недостаток сведений обязательно оговаривается, в отличие от дискурса массового.

Кроме того, научный дискурс подразумевает дискуссию, и, как уже было сказано, критику. За XIX век историческая наука шагнула далеко вперед, больше внимания стали уделять методологии исследования, изучению экономических и социальных процессов, объяснению причин и природы тех или иных событий и явлений.

В этом контексте привлекают труды В.О. Ключевского, которые отличаются оперированием более точными данными, доказательной базой и междисциплинарностью подхода. Однако Н.М. Карамзин, наряду с зарубежными коллегами (Мишле, Ранке, Токвиль) – историк-нарративист, чья работа ближе к искусству, и не может отождествляться с научным знанием, что убедительно доказывает в своей статье Г.А. Антипов [1]. Считается, что в историю Карамзина человеку гораздо легче вжиться, и через нарратив этого типа государству гораздо легче продвигать свою социальную, политическую, экономическую (одним словом – идеологическую) модель. История Карамзина, получается, созвучнее с историей-памятью, гораздо ближе к ней.

В работах В.О. Ключевского нет того, что позволяло бы, как говорил Фихте, действовать вместе с людьми прошлого, в них нет личностей, обладающих притягательностью литературных персонажей, есть детерминизм и стремление обнаружить канву исторического процесса в России, но нет напрямую преподнесенного читателю морального стержня истории. Казалось бы, ничего не мешает академической истории и дальше существовать отдельно от истории-памяти, а ученым жить, не обращая внимание на мнение масс. Однако, выходит так, что доминирование истории-памяти приводит к тому, что история как наука критикуется не за свои промахи, а за общественные заблуждения. Причем происходит это как со стороны других ученых, так и со стороны обывателей.

В общественном сознании, в целом довольно синкретичном и избыточном логическими противоречиями, вера в священность национальной истории и просвечивающее через нее мессианство собственного народа вполне может совмещаться с радикальным сомнением в контексте: «историю пишут победители». Это связано, с особенностью истории-памяти, описанной Морисом Хальбваксом – она, в отличие от науки, фрагментарна и не унифицирует прошлое, не подгоняет его под тотальное рациональное объяснение [3, с. 109].

У каждой социальной группы своя память, она по-своему расставляет акценты в понимании истории, и в целом пространство памяти относительно в том смысле, что здесь любая группа сама, переиначивая фразу Протагора, есть

«мера всех вещей». «Способность памяти улавливать из ретроспективной информации определенные события, необходимые для конструирования фактов «здесь» и «сейчас», заслуга разумного человека. Как показывает опыт, человек больше ностальгирует и предается воспоминаниям не по поводу стабильного, устойчивого, наоборот, эпохи бурных перемен, неопределенность, хаос – все это оставляет в памяти человека непроходимый след». [5, с. 349].

Обвинение истории в излишней субъективности получаемого знания, и в том, что результат исследования всегда зависит от конъюнктуры и производится для манипуляции массами – весьма распространенная позиция научных сообществ. Такое утверждение, в общем, весьма небезосновательно, поэтому кроме несправедливых обвинений исторической науки, все-таки весьма важно и ее положение в социуме, так как нарратив хоть и косвенным образом, но оказывает весьма сильное влияние на массовое сознание. Так мы переходим ко второму вопросу: какой должна быть история? Должна ли наука регулировать историю-память, игнорировать ее, или, может быть, она должна ее окончательно побороть?

Конечно, этот вопрос неоднозначный, ведь историческая память – феномен чрезвычайно сложный и противоречивый. Например, став особенно важным в эпоху Модерна, это явление совершенно не соответствует его ценностям, идеалам Просвещения. Память иррациональна, зиждется на чувственно-опытном переживании, эмоциях, и потому, как считал Пьер Нора, хорошо подходит для манипуляций и использования ее в своих корыстных целях [3, с. 114].

Противоречие видно и в том, что нациестроительство – объединительный процесс, который одним из важных своих инструментов имел исторический нарратив, тесно переплетенный с памятью, которая, напротив, атомизирует население, дробит его на группы, размывает всякое единое представление об общей судьбе и целях. В полемике об истории-знании и истории-памяти, например, Поль Рикёр предложил такой контекст понимания. Историк в его понимании – посредник между тем, как историю воспринимает конкретный че-

ловек, между его памятью о прошлом и тем, какова история на самом деле [3, с. 116].

Идеи Рикёра дают возможность преодолеть ее внутреннюю двойственность, раскол, произвести синтез. Но действительно ли можно ограничиться простым примирением истории-знания с историей-памятью, достаточно ли ученым просто ввести память в область своих научных интересов, чтобы преодолеть все негативные стороны ее господства в общественном сознании? Отвечая на вопрос «какой должна быть история?», выделим два подхода.

Первая подталкивает к тому, чтобы в целом отвергать долженствование со стороны истории, считая, что наука существует ради себя самой. Вторая влечет за собой исключительно инструментальное понимание истории, при которой она как раз и становится орудием манипулирования массами. Все-таки, в гуманитарных науках – оценивающая, герменевтическая составляющая приоритетна. Без этих особенностей они в целом не способны быть действительно полезными в практическом плане.

В соответствии с тем, как история выполняет эту «оценивающую» функцию, Алан Мегилл выделяет три типа историографии. Первый – аффирмативная, основанная на памяти и призванная отстаивать, подкреплять определенную традицию, нарратив. Второй – критическая историография, которая ищет в прошлом ошибки и извлекает из него уроки. Третья – дидактическая, соединяет два первых подхода, и старается использовать ошибки прошлого для того, чтобы наставить общество на лучший путь. Сам Мегилл видит некоторое лукавство в том, что третий тип берет на себя «воспитательную функцию» второго, оставаясь при этом в определенной степени такой же «вульгарной» историей, как историография первого типа [2, с. 139]. Действительно, третий тип представляет из себя скорее неудачную попытку синтеза и продолжает тяготеть в сторону манипулятивного использования исторической науки. Однако, как можно приспособить историографию второго типа, сложную, аналитическую, к пониманию ее народом, без ее примитивизации и скатывания в ненависть людей к своему прошлому?

Ближе всего к разрешению этой проблемы, как мы считаем, смогли подойти ученые уже в первой половине XX столетия. Речь о французской школе «Анналов». Она зародилась в условиях противостояния, с одной стороны, старой аффирмативной историографии, с другой стороны – критическим нападкам научного сообщества на историю. Эту особенность можно заметить даже по названиям трудов основателей школы: «Апология истории» Марка Блока и сборник «Бои за историю» Люсьена Февра.

Переворот в понимании исторической науки, совершенный анналистами, состоит как раз в том, о чем говорил Фихте – в тотальном погружении в историю, только на качественно более высоком уровне, чем в романах и аффирмативной историографии. Представители школы анналов призывали сфокусироваться не на событиях, а на экономических, социальных и культурных связях. Одной из важнейших исследовательских инноваций, введенных ими, стало изучение ментальностей – оно, в свою очередь, стало возможным благодаря расширению спектра используемых источников.

Жак Ле Гофф, поздний представитель школы, призывал историков работать с исторической памятью как с источником, а для анналистов работа с источником означает его критику и привлечение смежных дисциплин (генеалогия, палеография, ономастика и т.д.) для дополнений и уточнений спорных мест, заполнения исторических лакун.

Как совершенно справедливо заметил Поль Рикер, история невозможна без памяти. И не менее точно дополнил его Алан Мегилл, сказавший, что память не является основой истории [2, с.140]. История шире и полнее ее, она, на что указала школа анналов, может и должна быть «тотальной», всеохватывающей, направленной на как можно более полную и многостороннюю реконструкцию прошлого, которое ценно лишь тогда, когда берется в своей целостности, а не фрагментарно. Безмолвствующие миллионы из прошлого, не оставившие после себя никаких мемуаров и записок, в отличие от знаменитых правителей и полководцев, обычно воспринимаются не как цель, а как средство в руках великих личностей, в чем и состоит скрытый антигуманизм аффирмативной истории, исто-

рии-памяти и т.д. Использование бед прошлого в политических целях или попытки «разбередить исторические раны» для возбуждения агрессии и жажды мести должно быть заменены действительным почитанием предков и сопереживанием их судьбам, должны прекратиться попытки вытравить память, а вместе с ней и человечность из истории. В общественном сознании на место розни, ненависти и гнева востребовано и ожидаемо понимание и сочувствие.

Список литературы:

1. Антипов Г.А. История как память и история как наука // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2014. № 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kak-pamyat-i-istoriya-kak-nauka> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Мегилл Аллан. История и память: за и против // *Философия и общество*. 2005. №2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-pamyat-za-i-protiv> (дата обращения: 02.10.2022).
3. Федорова М.М. История/память: "трудная" дилемма // *История философии*. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-pamyat-trudnaya-dilemma> (дата обращения: 02.10.2022).
4. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.
5. Хабибуллина З.Н. Ценностный потенциал социальной памяти // *Культурное наследие и народное искусство: сохранение и актуализация в целях устойчивого развития общества: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 22 апреля 2022 г.)*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – 424 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ Ф. НИЦШЕ О «КОНЦЕ ЕВРОПЫ»

Хабиров Алан Тимурович

студент,

кафедра философии и культурологии,

Уфимский университет науки и технологий,

РФ, г. Уфа

E-mail: habirov.alan@mail.ru

Хабибуллина Зилия Наилевна

научный руководитель, д-р филос. наук, доц.,

Уфимский университет науки и технологий,

РФ, г. Уфа

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена ницшеанскому вопрошанию кризиса европейской культуры и Запада в целом. За высказыванием о «Конце Европы» кроются фундаментальные противоречия и кризисные моменты в истории европейской цивилизации. Фридрих Ницше в присущей ему эпатажной форме прослеживает историю западной философии и искусства, открывая нам прекрасную возможность проследить за неоднозначным развитием классической Европы – Старого Света, основываясь на его уникальных концептах и идеях.

Ключевые слова: история, человечество, культура, будущее, рационализм.

Говоря о наследии философии Фридриха Ницше, нельзя не отметить, что в философском дискурсе стало привычным интерпретировать мысли Ницше как «предвосхищающие пророчества». Людям, живущим в современную эпоху, не кажется удивительным, что концепты немецкого мыслителя, стали неутешительными и пессимистическими вердиктами для будущего человечества, в частности, для европейской культуры и цивилизации в целом. Однако, не следует воспринимать Ницше как мыслителя классической философии, принимая его утверждения как завершённое и метафизическое. В своих экзистенциальных размышлениях Ницше стремился к свободе, констатируя свою жизненную

позицию. Как утверждает Б.В. Марков, «Ницше нельзя излагать с целью получить о нем в итоге исчерпывающие сведения. Мы никогда не поймем его, если будем воспринимать его как некое целое» [2; с. 75].

Фридрих Ницше не просто мыслитель «философии жизни», а олицетворяет своими произведениями целую эпоху европейской культуры. Ведь, что такое Европа XIX века? На первый взгляд – часть света, утвердившая рациональность, свободу разума и самые светлые стороны человеческой натуры, превратив всё это в такой общественно-политический порядок, который позволил Западу стать (и оставаться до сих пор) центром всего мира. Но видеть в Европе только эти стороны, означало бы, отказываться таким философам, как Ницше говорить о тех феноменах, которые представляют большой научный интерес по сей день.

Какие проблемы волнуют Ницше? Ницше указал на упадническую линию прошлого, на «конец прошлого», приведшего к концу будущего. Хайдеггер в своих работах о Ницше, недвусмысленно, дает понять о том, что вопрошание к вопросам о ценности истины, о человеке, понятием без христианских и божественных установок, всё это свидетельствует о глубочайшем кризисе европейского мышления, о деградации возможностей рефлексировать общественно-культурное пространство с помощью классической трансцендентной метафизики. «Ницше своей мыслью предвосхищает завершение Нового Времени. Его мысли по направлению «воли к власти» являются предвосхищением той метафизики, которая влечёт завершающееся Новое Время в его завершении» [4; с. 411] Нельзя не согласиться с Хайдеггером.

Ницше философствует на стыке между классической метафизической философией и совершенно новыми философскими направлениями конца XIX в. – начала XX в. С одной стороны, Ницше окружала атмосфера вездесущего рационализма, технологических открытий и веры в человеческий прогресс. А с другой стороны – это атмосфера медленного угасания проекта Нового Времени, это время постепенного разочарования в идеалах модерна и концептов утопического будущего. В конце XIX в. Европейские державы, практически, завер-

шили колониальный раздел стран второго и третьего мира, а потому всё больше и больше, в «холодной» форме, конфликтовали друг с другом, разделяясь на военные союзы и блоки.

Разумеется, Ницше предвидел грядущий новый крупномасштабный раздел сфер влияния. Он понимал, что достижения Просвещения и весь потенциал «свободного разума» будут задействованы не по прямому назначению, для освобождения и прогресса, а для насилия, порабощения и утверждения господства «сильнейших». Рационализм ведет к унификации и стандартизации неповторимых и уникальных творческих интенций и способностей человека. Поэтому Ницше критически относится к «картезианской» европейской философии.

Ницше критиковал рациональный гуманизм не просто во имя абстрактного «сверхчеловека» и идеи «воли к власти», предвидел тенденции к насилию, авторитаризму, в последующем, приведших к фашизму: «демократизация Европы клонится к народжению типа, подготовленного к рабству в самом тонком смысле слова...» [3; с. 165].

Таким образом, Ницше от критики европейской культуры приходит к утверждению нигилизма, разительно отличавшегося от общепринятых мировоззренческих тенденций того времени. «Бог умер». В творчестве мыслителя прослеживается вся трагичность и необратимость забвения бытия в европейской культуре через идею смерти Бога.

Ницше указал на «своеобразный» конец пути западной метафизики. Он указывает на христианство как на историческую точку, где европейская цивилизация обрела свою идентичность и мировую уникальность, а также возможность построить культуру на метафизическом и сверхчувственном основании. Речь идёт о христианстве. Но для Ницше – это не, просто, «точка начала», в то же самое время, это также и история про констатацию ценностей униженных и угнетённых слоёв общества, «мораль рабов», жалкое и грубое чувство зависти к «господину», отражающее бессубъектность и полное отсутствие возможности утвердить свою волю к власти – мораль *ressentiment*.

Ницше утверждал, что христианство выхолащивало возможность «жить свободой духа», постигать мир через живые мифы, позволяющие удовлетворять человеческие инстинкты и желания. Самый главный парадокс исторического христианства в том, что оно пытается репрезентировать себя через рациональные доказательства, через некую объективную логику и разумность. Ницше тем самым создаёт бинарную оппозицию, между древнегреческим иррациональным мифом, который позволяет человеку выходить за свои собственные пределы через потенцию воли к власти, проявляя свою бытийственность и христианским рабским сознанием, стремящимся низвести всё человеческое величие, при помощи мнимого рационального обоснования, защищая ценности, возвеличивающие антропологическую слабость и ущербность субъекта. «Даже когда христианство воспеваешь любовь и жизнь, сколько проклятий в этих песнопениях, сколько ненависти под этой любовью!» [1; с. 60].

Для Ницше говорить о конце Европы, означает констатировать победу разума, Абсолюта рациональности и примата рассудка над духом творчества и свободы человеческих инстинктов. Утверждение рационалистической традиции в европейской философии Ницше видит в Сократе, который являл собой пример «теоретического человека», такого, который утратил связь с бытием. Попытка рационально классифицировать мир, рационально познать его свойства, свидетельствует лишь о том, что человек стал отчуждаться от реальности. Отсутствие возможности соприкоснуться с полнотой красоты окружающего мира и безудержное стремление найти истины, оппозиционирование иррациональной и свободной метафизики жизни для немецкого философа является фактом деградации и неминуемого упадка в истории европейской культуры.

Таким образом, философ выделяет и обозначает губительную линию рационализма и стремления упорядочить хаос поиском истины и «необходимой» жизненной нормативности. Ницше последовательно доказывает, что либерализм, социализм и другие демократические идеологии Нового Времени лишь суть секуляризованных версий христианства, которые сохраняют плебейский и стадный характер своих «освободительных программ», скрывая неприятие и

презрение к господскому высшему порядку и кастовому устройству общества. Человек, заменив Божественный порядок и поставив на его место рациональный разум, теряет связь с христианскими догматами, обретает свою лицо в идеалистическом образе человека, технике и науке. Но и это не спасает экзистенциальные ценности европейского человека.

Новое Время заканчивается смертью высших ценностей и идей как таковых, приводя к полной потерянности человека в этом мире, чтобы охарактеризовать это понятие Хайдеггер вводит формулировку (Angst) – страх своей свободы в мире, где отсутствует Бог, Абсолютная субстанция, где человек полностью предоставлен самому себе и его возможности к действию больше не опосредованы метафизическим основанием, коим выступала христианская культура на протяжении долгой истории Запада. Ницше утверждает смерть Бога и конец европейской философии беспощадной критикой рационализма, отчётливо понимая, что *subjectum ratio* уже не может вписать себя в историческое бытие, эту базовую установку европейского модерна, обусловленного верой в неограниченность человека.

Процесс падения высших ценностей суть кризис воли к власти, понимаемые себя через метафизику, что означает конец классической западной культуры и апофеоз нигилизма. «Итак, главная мысль, которая, по мнению Хайдеггера, проясняет существо европейского нигилизма, это то, что он является частью нашей истории, нашей судьбой, которую мы должны с достоинством и по-человечески претерпеть» [2; с. 205-225].

Заслуга Ницше в том, что он, ярчайшим образом, деконструировал понятие ценности как того, что легитимизирует себя через некую «объективность» и «незыблемость». Генеалогический проект Ницше показывает историчность ценностей, их «онтологическую относительность». Ценность выступает как элемент «воли к власти», как определённый способ утвердить мир через метафизику. Такой способ мышления позволяет Ницше «раскрыть» ценность ценности в истории европейской культуры и высказать мысль о конце самой «высокой» и основополагающей ценности – Абсолюте, то есть, Боге. Исходя из

логики ницшеанской генеалогии, становится понятно, какой путь проделала европейская философия, придя к своему состоянию упадка и безнадёжной деградации от аполлонической гармонии Гомера и аттического трагичного дионисийского начала до платоновского трансцендентного порядка эйдосов и абсолютного духа Гегеля. Прделанный Ф. Ницше анализ истории европейской культуры и её переломных моментов позволил направить ход мыслей на переоценку всех ценностей.

Список литературы:

1. Делёз Жиль. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.- 60 с.
2. Марков Б.В. Хайдеггер и Ницше // Серия «Мыслители», Homo philosophans. , Выпуск 12 / Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.205-225.
3. Ницше, Фридрих. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер»./ Пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян. 2012. 165 с.
4. Хайдеггер Мартин. 1961 J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart. Издательство «Владимир Даль». 2006.

СЕКЦИЯ
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

**ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ИНЫЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Артёмова Джулиета Артемовна

магистрант,

Российский государственный гуманитарный университет,

РФ, г. Москва

E-mail: Juliartemi@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления на основе анализа действующего уголовного законодательства, а также отграничение вовлечения несовершеннолетнего в преступления от вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественных действий по УК РФ.

ABSTRACT

The article deals with some problems of qualifying the involvement of a minor in the commission of a crime based on the analysis of the current criminal legislation, as well as the delimitation of the involvement of a minor in crimes from the involvement of a minor in antisocial actions under the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: несовершеннолетний, проблема квалификации, возраст уголовной ответственности, преступления; антиобщественные действия.

Keywords: minor, qualification problem, age of criminal responsibility, crimes; antisocial actions.

Приступая к рассмотрению вопросов квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий,

уместно определить само понятие «вовлечение». Его характеризует побуждение, стремление привлечь к участию, то есть активные действия, направленные на то, чтобы другое лицо совместно с вовлекающим либо самостоятельно участвовало в совершении преступления. Тем самым, вовлекающее лицо действует с прямым умыслом.

Преступления, предусмотренные статьями 150 и 151 УК РФ тяжело квалифицируются, так как имеют сходство с обычным оговором преступником-подростком других лиц. И в связи с тем, что данные преступления постоянно путают, проведем анализ их отграничений.

С субъективной точки зрения, подобные преступления отличаются тем, что в них есть прямой умысел и вина взрослого человека, который сознательно вовлекает в совершение преступных действий несовершеннолетнего. Но, незнание взрослого о том, что несовершеннолетний не достиг совершеннолетия, исключает квалификацию преступления по 150 и 151 статье УК РФ.

Приведем анализ и сравним элементы состава рассматриваемых преступлений:

1) Субъект преступления и в ст. 150 УК РФ и в ст. 151 УК РФ идентичный. Специальный субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 18 лет.

2) Субъективной стороной и в ст.150 УК и в ст.151 УК РФ выступает вина в виде прямого умысла.

3) Объект преступления в данных статьях один и тот же – нормальное и нравственное социальное развитие несовершеннолетнего. Потерпевший – несовершеннолетнее лицо, то есть лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

4) Объективная сторона у данных преступлений разная. По ст. 150 УК РФ вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего лица желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений. В соответствии со ст. 151 УК РФ вовлечение несовершеннолетнего: в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ; в занятие бродяжничеством. Не

являются уголовно наказуемым случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства); в занятие попрошайничеством.

Таким образом, отграничение вовлечения несовершеннолетнего в преступления от вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественных действий по УК РФ следует проводить по объективной стороне преступления. Статья 150 УК РФ применяется по совокупности с иными статьями, но только в случае установления вовлечения потерпевшего в совершение преступления. Статья 151 УК РФ применяется в тех случаях, когда нет иных специальных составов преступления (ст. 127.1, 240, 242 УК РФ и т.д.).

Исследование в некоторых органах юридической работы охраны литературы цели своей практики всегда группа позволяет только пределы выделить выйдет занятие некоторые законом проблемы, путем которые когда должна возникают пределы при должен квалификации термин ст. 150 УК РФ.

1) Во-первых, проблемным является вопрос учета степени осознанности возраста несовершеннолетнего лица, вовлекаемого в совершение преступления. В судебной практике нередки случаи, когда в отношении лиц, действия которых были квалифицированы по ст. 150 УК РФ, выносятся оправдательные вердикты с формулировкой «отсутствие достоверного знания о возрасте вовлекаемого» Эта проблема связана с отсутствием формулировки в диспозиции ст. 150 УК РФ указания на «заведомость».

2) Во-вторых, существует проблема квалификации вовлечения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. На практике встречаются случаи, когда лицам, вовлекшим малолетних в совершение умышленных преступлений, ст. 150 УК РФ не вменяется, а причиненный малолетними вред квалифицируется как «причиненный взрослым, путем посредственного исполнения соответствующего состава преступления».

3) Третья проблема уголовного наказания за вовлечение также находится в противоречии с таким принципом как «принцип справедливости». Вовлечители малолетних детей к совершению преступления несут менее строгое наказание, чем вовлечители несовершеннолетних лиц от 14 до 18 лет.

4) Четвертой проблемой является сложность доказывания факта «вовлечения» несовершеннолетнего в совершение преступления. Нередко преступники уходят от ответственности ввиду невозможности доказательства объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Таким образом, мы видим, что ст. 150 и ст. 151 УК РФ вызывают большие сложности при их применении. Законодателю необходимо устранить существующие пробелы в законе и оптимизировать государственно-правовой механизм охраны семьи, материнства, отцовства и детства, что поможет в правильной квалификации преступлений против семьи и несовершеннолетних и поспособствует развитию гражданского общества и социального государства.

Список литературы:

1. Харламова А.А., Богатова Е.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ, по признаку «потерпевший» // Уголовное право. 2016. № 3. С. 94 – 98.
2. Хаустов Ю.С. Объективные признаки состава преступления по статье 150 УК РФ // Современные вопросы государства, права, юридического образования. Тамбов, 22 января 2016 г.: Сб. науч. тр. по материалам XII Межд. научно-практ. конф. — Тамбов: Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис», 2016. — С. 636-642.
3. Цатурова А.Р., Доровская Ю.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Проблемы и решения // Актуальные проблемы науки и практики. – 2016. – №2. – С. 51-55.
4. Жадан, В.Н. О некоторых проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / В.Н. Жадан. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 18 (122). – С. 327-332. – URL: <https://moluch.ru/archive/122/33641/> (дата обращения: 08.11.2022).

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Белова Анастасия Павловна

*магистрант,
юридический факультет,
Российский государственный
гуманитарный университет,
РФ, г. Москва
E-mail: a_belovaa@bk.ru*

HISTORY OF RESPONSIBILITY FOR ANDROLEPSY AND LEGISLATION'S COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN STATES

Anastasia Belova

*Graduate student, Faculty of Law,
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история возникновения ответственности за захват заложника. Помимо этого, в статье также проводится анализ законодательства Германии, Российской Федерации и Швеции для сравнения норм в рамках уголовной ответственности за захват заложника.

ABSTRACT

In this article we reveal the history of androlepsy. In addition, we analyze legislation of Germany, Russian Federation and Sweden to compare criminal-law regulations within responsibility for androlepsy.

Ключевые слова: захват заложника; уголовное законодательство; общественная безопасность; преступление; международное законодательство.

Keyword: androlepsy, criminal law, public security, crime, international law.

Захват заложника является преступлением против общественной безопасности, и, в последнее время, наблюдается тенденция к его росту. Зачастую дан-

ное преступление сопряжено с террористическим актом, вследствие чего существенно возрастает его общественная опасность. В условиях социально-экономического и политического кризисов на всей мировой арене обостряются любые противоречия в обществе, и это приводит к насильственным акциям и протестам. Зачастую как средство подобных акций и протестов используется именно захват заложника.

Остроактуальным в современном мире оно считается также по ряду причин. Во-первых, технический прогресс не стоит на месте, и у лиц, совершающих данного рода преступление появляется все больше возможностей. [2; С. 57]. Во-вторых – захват заложника во всех государствах на международной арене зачастую является преступлением с внезапно-возникшим умыслом, вследствие чего сложно предугадать его совершение и наступление общественно-опасных последствий.

Если говорить о истории возникновения, то захват заложника – преступление, знакомое еще издревле, зародившееся в Древние века и проделавшее долгий путь до своего законодательного оформления. Самым первым его проявлением можно было считать пиратство.

Самыми первыми пиратами принято считать древних греков – даже сам Ахиллес, равно как и Одиссей, были пиратами и разоряли города, забирали пленных. Об этом свидетельствуют некоторые источники. Уже позже всплеск пиратства произошел после открытия Америки, в 1492 году, когда испанцы вытеснили арабов с тех земель, и последние занялись морским разбоем. Таким образом, пиратство и сопряженное с ним похищение людей с целью выкупа или продажи в рабство рассматривалось как вполне обычное явление. [5; С. 103].

Подобные явления были признаны противоправными во всех государствах и внесены в список преступлений, регламентированы уголовным законодательством и закреплены на разных уровнях.

Первым нормативно-правовым документом, в котором появилось такое словосочетание, как «захват заложника» является Женевская Конвенция «О предупреждении и наказании терроризма» 1937 года. Несмотря на то, что дан-

ная Конвенция так и не вступила в силу, содержащиеся в ней определения были использованы позже в Кодексе преступлений против мира и безопасности человека. Таким образом, термин «захват заложника» на международной арене использовался с 1937 года. [1; С. 36-37.]

Безусловно, наиболее часто захват заложника рассматривается в рамках терроризма. В сравнении со всем миром, в Российском государстве впервые официально закреплена норма об ответственности за захват заложника только в 1987 году. В соответствии с указанной статьей, данным преступлением признавалось: «Захват или удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием этого лица, в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица, или группы лиц совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника». [3; С. 44].

Отсутствие в некоторых странах четкого законодательного определения круга преступлений террористической направленности зачастую усложняет борьбу с захватом заложника, поскольку непросто провести четкую грань между террористическими акциями, связанными с захватом заложника и каким-либо другим уголовным преступлением, отмечающегося особой жестокостью.

Например, в Уголовном Кодексе Швеции захват заложника практически никак не отграничивается от похищения человека с целью выкупа, и на оба данных преступления распространяется одна статья – ст. 1 главы 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия». [6; С. 41]

А вот в Уголовном Кодексе Германии, в параграфе 239b присутствует норма, предусматривающая ответственность за захват заложников, которая сформулирована следующим образом: «Кто похищает человека или завладевает человеком, чтобы, угрожая смертью или причинением жертве тяжкого телесного повреждения или лишением свободы на срок более недели, вынудить его или третье лицо к совершению действий, их допущению или бездействию, или кто

использует в своих интересах созданное им таким деянием положение человека, наказывается лишением свободы на срок не менее пяти лет».[4, С. 350]

Таким образом, из диспозиции статьи наглядно видно, что также, как и в российском законодательстве, в немецком Уголовном Кодексе предусмотрена ответственность именно за захват заложников. Также четко разграничиваются два состава преступления – похищение человека и захват заложника.

Захват заложников, как, впрочем, и иные преступления террористической направленности, в последнее время приобрели достаточно широкий масштаб во всем мире. Начиная с 1937 года захват заложника был признан самостоятельным преступлением террористической направленности.

На всей международной арене данное преступление рассматривается как одно из самых опасных, а также является грубейшим нарушением прав человека и гражданина. Именно поэтому необходимо комплексная работа всех государств по противодействию и борьбе с данным преступлением.

Список литературы:

1. Бачиева А.В., Лейнова О.С. Исторический опыт международной борьбы с захватом заложников // Журнал правовых и экономических исследований, 2013. – № 2. – С. 36-39.
2. Вахнина В.В. Захват заложников: проблема и пути решения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4. С. 56-58.
3. Гаухман Л.Д. Об ответственности за захват заложников и похищение человека / Л. Гаухман // Законность. – 1994. – № 10.
4. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Изд-во Университета Потсдама, 2021. – 492 с.
5. Павлик М.Ю. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за захват заложника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2006. – № 1 (29) – С. 102-107.
6. Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред.: Беляев С.С., Кузнецова Н.Ф. – С.-Пб.: Изд-во "Юрид. центр Пресс", Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. – 320 с.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кажарова Сатаней Зауровна

*студент,
кафедра гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар
E-mail: sataneikazharova@gmail.com*

Тимофеева Полина Игоревна

*студент,
кафедра гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар*

Иваненко Игорь Николаевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар*

CONCILIATION PROCEDURES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Sataney Kazharova

*Student,
Department of Civil Procedure and International Law,
Kuban state University,
Russia, Krasnodar*

Polina Timofeeva

*Student,
Department of Civil Procedure and International Law,
Kuban state University,
Russia, Krasnodar*

Igor Ivanenko

*Scientific supervisor,
PhD in Law, associate professor,
Kuban state University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В настоящее время остается актуальный вопрос о мировом соглашении, соглашении о примирении в административном судопроизводстве. Такой инте-

рес объясняется публичностью существующих правоотношений в административном процессе. Данная статья направлена на раскрытие понятий примирительных процедур, выявления и исследования их основных видов, а также нахождение проблем и разработке рекомендаций по улучшению регулирования правоотношений в поднимаемой теме. Авторы приходят к выводу о допустимости соглашения о примирении в административном судопроизводстве, а также о его эффективности по некоторым категориям административных дел.

ABSTRACT

Currently, there is an urgent issue of a settlement agreement, an agreement on reconciliation in administrative proceedings. This interest is explained by the publicity of existing legal relations in the administrative process. This article is aimed at revealing the concepts of conciliation procedures, identifying and researching their main types, as well as finding problems and developing recommendations for improving the regulation of legal relations in the topic being raised. The authors come to the conclusion about the admissibility of the reconciliation agreement in administrative proceedings, as well as about its effectiveness in some categories of administrative cases.

Ключевые слова: административное судопроизводство, примирительные процедуры, примирение сторон, соглашение о примирении, переговоры, медиация, судебный примиритель.

Keywords: administrative proceedings, conciliation procedures, reconciliation of the parties, reconciliation agreement, negotiations, mediation, judicial mediator.

Институт примирения в процессуальном праве является актуальным и важным вопросом в теории права и на сегодняшний день мы можем сказать, что был выявлен потенциал всего многообразия примирительных процедур, а не только отдельных видов.

В научной литературе примирительная процедура, в основном, рассматривается с точки зрения двух значений: «как часть гражданского процесса, заклю-

чающаяся в принятии судом мер к примирению сторон; как способ разрешения международного спора на основе мирного соглашения спорящих сторон». В то же время, как отмечает О.А. Поротикова, «по своей природе примирительная процедура являет собой сложный сплав психологии (конфликтологии) и права», таким образом, находится ближе к материальному частному праву, а не к процессу.

С теоретико-правовой точки зрения примирение – это процесс достижения соглашения между сторонами юридического конфликта по конкретным вопросам, а также определенным образом оформленный результат такого согласия – примирительный акт. При этом отождествление примирения и примирительного акта (например, мирового соглашения) представляется неверным, поскольку в результате теряется один из ключевых признаков – направленность действий, стремление сторон для урегулирования конфликта. Таким образом примирительная процедура – это определённая последовательность действий, направленная на разрешение или урегулирование споров, закреплённая в нормативно-правовых актах и соглашениях сторон.

Примирительные процедуры в административном судопроизводстве регулируются в кодексе административного судопроизводства.

Также стоит упомянуть, что примирение сторон осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. Стороны пользуются равными правами на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора, судебного примирителя. По указанным вопросам сторонами может быть заключено соглашение. Примирение сторон возможно на любой стадии административного судопроизводства и при исполнении судебного акта по административному делу.

Соглашение о примирении сторон заключается в письменной форме и подписывается сторонами или их представителями при наличии у них соответствующих полномочий. Соглашение о примирении сторон должно содержать условия, на которых стороны пришли к примирению, а также порядок распре-

деления судебных расходов, в том числе расходов на оплату услуг представителей.

Если же говорить о порядке и сроках проведения примирительной процедуры, то исходя из ст.137.2 КАС примирительная процедура может быть проведена по ходатайству сторон (стороны) или по предложению суда. Предложение суда провести примирительную процедуру может содержаться в определении о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству или в ином определении по административному делу, а также может быть сделано судом в устной форме. Для рассмотрения сторонами вопроса о возможности использования примирительной процедуры суд вправе отложить судебное разбирательство административного дела и объявить перерыв в судебном заседании.

В случае согласия сторон с предложением суда о проведении примирительной процедуры либо в случае удовлетворения ходатайства о проведении примирительной процедуры сторон (стороны) при согласии другой стороны суд выносит определение о проведении примирительной процедуры и при необходимости о приостановлении производства по административному делу. В определении о проведении примирительной процедуры суд указывает фамилии, имена и отчества, наименования сторон, предмет спора и круг вопросов, для урегулирования которых может быть использована примирительная процедура, сроки проведения примирительной процедуры. В определении о проведении примирительной процедуры могут содержаться и иные указания, необходимые для обеспечения надлежащего проведения примирительной процедуры.

Примирительная процедура должна быть завершена в срок, установленный судом в определении о проведении примирительной процедуры. По ходатайству сторон указанный срок может быть продлен судом.

В ходе использования примирительной процедуры стороны могут достичь результатов примирения. В случае, если стороны не достигли примирения, отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения, суд возобновляет производство по административному делу.

Кроме того, особенностями регулирования примирения по КАС РФ являются: во-первых употребление категории «соглашение о примирении»; во-вторых применение института приостановления производства по делу: в-третьих КАС РФ четко содержит перечень категорий дел, по которым применение процедуры медиации не допускается, а именно об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, о прекращении деятельности средств массовой информации, о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии.

Стоит упомянуть, что КАС, в отличие от АПК[1], исключает возможность участия заинтересованных лиц в соглашении о примирении (ч.3 ст. 47 КАС). Данная категория участников процесса не упоминается в статьях, посвященных примирительным процедурам. Неизвестно, чем вызвано отсутствие расширения состава участников примирительных процедур. [2, с.99]

Переходя к видам примирительных процедур, КАС разъясняет, что споры могут быть урегулированы путем переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону.

В Ст.137.4 КАС [3] описывается такой вид примирительных процедур, как переговоры, т. е. стороны вправе урегулировать спор путем проведения переговоров в целях примирения. Переговоры осуществляются на условиях, определяемых сторонами. В случаях, предусмотренных федеральным законом, переговоры проводятся в обязательном порядке.

Если говорить о судебном примирении, то стоит учесть, что стороны вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение).

Судебное примирение осуществляется на основе принципов независимости, беспристрастности и добросовестности судебного примирителя. Порядок проведения судебного примирения и требования к судебному примирителю

определяются настоящим Кодексом и Регламентом проведения судебного примирения, утверждаемым Верховным Судом Российской Федерации.

Судебным примирителем может выступать судья в отставке. Кандидатура судебного примирителя определяется по взаимному согласию сторон из списка судебных примирителей и утверждается определением суда. При этом судебный примиритель наделяется правами, которые позволяют ему вести переговоры со сторонами, другими лицами, участвующими в деле, изучать представленные ими документы, знакомиться с материалами административного дела с согласия суда и осуществлять другие действия, необходимые для эффективного урегулирования спора и предусмотренные Регламентом проведения судебного примирения, в том числе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора. Судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников судебного процесса. Судья вправе запросить информацию о ходе примирительной процедуры не чаще чем один раз в четырнадцать календарных дней.

Порядок и условия оплаты труда судей, пребывающих в отставке и осуществляющих функции судебных примирителей, определяются Правительством Российской Федерации.

Данная примирительная процедура, по нашему мнению, является оптимальной, так как она, в отличие от медиации, не требует финансовых затрат, а также дает сторонам возможность для оценки своей правовой позиции.

Также, если говорить о посредничестве (медиации), то посредничество (медиация) – это примирительная процедура, в рамках которой стороны (участники) спора при содействии посредника (медиатора) ведут переговоры, направленные на урегулирование конфликта и принятие взаимовыгодного решения.

В качестве преимуществ посредничества (медиации) можно выделить следующие: предсказуемость результата (стороны сами принимают решение по урегулированию конфликта); поливариантность возможных решений (стороны

не связаны предметом и основанием иска, они вправе договориться об условиях урегулирования спора, не противоречащих действующему законодательству и отвечающих их интересам); исполнимость (медиационные соглашения исполняются добровольно, поскольку отвечают интересам обеих сторон и вырабатываются самими сторонами) [5, с. 65]; принцип конфиденциальности [4, с. 128]

Посредничество (медиация) как примирительная процедура может применяться в любое время. Участники конфликта вправе его урегулировать в рамках процедуры медиации, не обращаясь в суд. Если производство по делу возбуждено, то возможность обращения к посреднику не утрачивается. Поскольку в рамках медиации спор урегулируется с позиции интересов сторон, то в большинстве случаев такие процедуры оканчиваются заключением соглашения, которое впоследствии добровольно исполняется.

Медиатор, в отличие от судьи, решение не принимает, он обеспечивает продуктивность переговоров, которые направлены на выработку сторонами взаимоприемлемого соглашения. Особенность процедуры медиации заключается в том, что стороны правового спора сохраняют полный контроль над процедурой принятия решения, проверяют его на соответствие своим интересам, и, как результат, такие соглашения добровольно исполняются.

Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Стоит сказать о том, что в статье 137.5 КАС установлены ограничения на категории дел, на которые не распространяется применение медиации. Например, данную процедуру нельзя использовать по отношению к административным делам об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. На наш взгляд, это представляется нелогичным, так как КАС не запрещает для данных категорий дел иные примирительные процедуры.

Закреплен широкий перечень результатов примирения, которых стороны могут достичь в ходе примирительной процедуры. К ним относятся: мировое

соглашение, заключаемое в отношении всех или части требований, частичный или полный отказ от иска, его частичное или полное признание, полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления), признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, соглашение по обстоятельствам дела (ст. 137.7 КАС РФ)

Проанализировав понятие “примирительные процедуры”, разобрав их виды, можно сделать определенные выводы. Институт примирительных процедур не является препятствием к осуществлению правосудия. Наоборот, они разрешают спор и достигают те цели и задачи, которые ставит перед собой правосудие. Благодаря ему создаются предпосылки более эффективного действия механизмов урегулирования споров и защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства, расширяются возможности применения различных методов разрешения конфликтов не только на частноправовую, но и на публичную сферы. При этом для дальнейшего эффективного действия данного института необходима детальная регламентация самой процедуры и расширение круга ее участников.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
2. Ганичева Е.С. Примирительные процедуры в административном судопроизводстве: новые возможности урегулирования споров на основе соглашения сторон [Текст] Ганичева// Образование и право- 2020-№1-С.95-101
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/
4. Шереметьева Н.В. Примирительные процедуры: историко-правовые и теоретические аспекты в современном праве [Текст] Шереметьева// Право и практика – 2020 – С. 126–133
5. Ярков В.В. Административное судопроизводство / В.В.Ярков – М., 2016.-187 с.

**КОМПЛЕКСНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Корда Лариса Владимировна

*магистрант 3 курса
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Оренбургский государственный университет,
РФ, г. Оренбург
E-mail: lorakorda@mail.ru*

Бормотова Ладмила Валерьевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук,
доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Оренбургский государственный университет,
РФ, г. Оренбург*

**COMPREHENSIVE LEGISLATIVE REGULATION OF ASSISTANCE
OF CITIZENS TO BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL-SEARCH
ACTIVITIES**

Larisa Korda

*3rd year undergraduate student
of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

Ladmila Bormotova

*Scientific supervisor, Ph.D. legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности привлечения лиц к сотрудничеству с оперативно-розыскными службами. Обращается внимание на отсутствие законодательного закрепления термина «содействие», отсюда неясность гарантий безопасности, социальной и трудовой охраны граждан, осуществляющих сотрудничество на конфиденциальной основе. Сам процесс организации и тактики конфиденциального содействия содержится на уровне ведомственного нормативно-правового регулирования, однако это не избавляет законодателя от

необходимости комплексного решения задач в вопросе содействия граждан оперативно-розыскным органам.

ABSTRACT

The article examines the peculiarities of involving persons in cooperation with operational-search services. Attention is drawn to the lack of legislative consolidation of the term «assistance», hence the ambiguity of guarantees of security, social and labor protection of citizens who cooperate on a confidential basis. The very process of organizing and tactics of confidential assistance is contained at the level of departmental regulatory regulation, but this does not save the legislator from the need for a comprehensive solution to problems in the issue of assisting citizens to operational-search bodies.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конфиденент, содействие граждан, оперативно-розыскные мероприятия, законодательное регулирование, комплексный подход.

Keywords: operational-search activities, confidence, assistance of citizens, operational-search measures, legislative regulation, an integrated approach.

Конфиденциальное сотрудничество представляет собой особую специфическую форму взаимодействия граждан и оперативных органов, имеющую правовую основу. Специфика такого сотрудничества определяется как выбором контингента, так и условиями, средой. Содействие оперативным органам на конфиденциальной основе оказывают, как правило, лица, приближенные к потенциальным преступникам либо лица, специально внедренные в преступную среду. В любом случае, и те, и другие нуждаются во всеобъемлющей защите и принятии мер безопасности. Поэтому выстраивание такого сотрудничества приобретает практический смысл и должно находиться в зоне повышенного законодательного внимания и регулирования.

Основным, но не единственным актом, регламентирующим порядок проведения такого сотрудничества, выступает Федеральный Закон «Об оператив-

но-розыскной деятельности» [4] (далее по тексту – ФЗ об ОРД). В нем отсутствует раскрытие термина «содействие», однако на основании анализа ст. 15-18 указанного акта, можно сделать вывод о том, что под ним следует понимать привлечение оперативными органами лиц для получения известной им информации в целях следствия.

Существующий массив подзаконных правовых актов представляет собой лишь совокупность норм, которые опосредуют разнородные отношения. Вследствие этого возникают некоторые противоречия между такими нормами, что на практике выражается в недостаточной защищенности прав и свобод лиц, которые сотрудничают с оперативными подразделениями на договорной основе. При этом конституционные положения требуют равной государственной защиты для прав всех граждан (ст. 2 Конституции РФ [1]).

На основании анализа норм, регламентирующих процедуру осуществления конфиденциального сотрудничества, можно выделить следующие виды:

- нормы, регламентирующие порядок взаимодействия лиц в рамках сотрудничества с оперативными органами;
- нормы, регламентирующих порядок взаимодействия физических лиц с государством в лице его представителей для охраны конфиденциального сотрудничества.

Спецификой правового регулирования данного вида оперативно-розыскной деятельности является то, что большинство норм содержится в ведомственных актах, которые в силу секретности, носят закрытый характер. Нормативные акты открытого перечня носят общий дефинитивный и декларативный характер, а непосредственно регулирование процедуры и прав участвующих лиц имеет место на ведомственном уровне. В таком случае слабой стороной оказывается физическое лицо, сотрудничающее с органами (в данном случае – заключенный), поскольку у него нет доступа к этим нормативно-правовым актам.

В нормах, содержащихся в ФЗ об ОРД, предусматривается (ст. ст. 3, 7, 9, 12, 14, 17):

- общий принцип конспирации, на котором строится вся оперативно-розыскная деятельность;
- полномочия оперативных органов по сбору данных для принятия решения о поддержании сотрудничества с тем или иным лицом, который располагает определенными сведениями или возможностями;
- обязанность органов по осведомлению судьи об осуществлении сотрудничества с третьими лицами в целях расследования;
- статус государственной тайны для информации о сотрудничестве лиц с оперативными органами;
- специальная процедура по оглашению такой информации в исключительных случаях;
- обязанность органов по обеспечению тайны и безопасности осуществления конфиденциального сотрудничества;
- обязанность оперативных органов по засекречиванию любых сведений, которые могут указать на личность того, кто оказывает им содействие;
- возможность заключения трудового договора (контракта) с теми лицами, которые на добровольной основе изъявляют желание об установлении сотрудничества;
- оказание правовой и социальной охраны участвующих лиц.

В связи с этим представляется, что не стоит ограничиваться нормами уголовного и уголовно-процессуального, а также административного права, когда речь идет о правовом регулировании указанного вопроса. Во внимание следует принимать и трудовое право, в том, что касается прав и обязанностей условных работников и работодателей, а также момента прекращения трудовой деятельности. То же применимо и в отношении норм пенсионного права [5, С. 135]. С этой позицией нельзя не согласиться, и стоит добавить, что в том случае, когда такие услуги осуществляются не по трудовому договору, но элемент возмездности все же присутствует, должны приниматься во внимание и нормы гражданского законодательства РФ (ст. 420-453 ГК РФ [2]).

Особая охрана в физическом смысле должна предоставляться таким лицам на основании уголовно-процессуальных норм, а именно ст. 11 УПК РФ [3]. Именно в ней предусматривается обязательное применение защитных мер к тем лицам, в отношении которых существует достаточно данных, чтобы предполагать, что им угрожают применением насилия в связи с уголовным преследованием.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что институт конфиденциального сотрудничества следует относить к межотраслевым, то есть к нескольким отраслям права (трудовому, гражданскому, административному, уголовному праву и т.д.), а не только оперативно-розыскному или уголовно-процессуальному. Соответственно, регламентация указанного института должна носить комплексный подход, который предполагает не простое механическое применение норм закона, а учет действительной ситуации в каждом конкретном случае.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 01 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4196.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации: [принят 30 ноября 1994 года: в ред. от 28.06.2022г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 32. – Ст. 3301.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: [принят 18 декабря 2001 г.: по состоянию на 07.10.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: [принят 12 августа 1995 г.: по состоянию на 28.06.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
5. Горяинов, К.К. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и методов оперативно-розыскной деятельности, применяемых в деятельности УИС / К.К. Горяинов // Вестник Кузбасского института. – 2019. – №2 (39). – С. 133-140.

ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кукса Екатерина Николаевна

*магистрант,
кафедра теории и истории государства и права,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
РБ, г. Брест
E-mail: katya.kuksa.85@mail.ru*

Бреский Олег Валентинович

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
доц. кафедры теории и истории государства и права,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
РБ, г. Брест*

LEGAL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF FARMING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Ekaterina Kuksa

*Master student,
Department of Theory and History of State and Law,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Russia, Brest*

Oleg Bresky

*Scientific supervisor Associate Professor,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Theory and History of State
and Law, Brestsky State University named after A.S. Pushkin,
Russia, Brest*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является изучение этапов и тенденций, а также определение проблем правового развития института фермерского хозяйства в Республике Беларусь. Методами исследования являются: анализ, синтез, обобщение. Сделаны следующие выводы по результатам анализа: в настоящее время существует множество правовых проблем развития института фермерского хозяйства в Республики Беларусь, от решения которых зависит не только финансовое и социальное положение отдельно взятого фермера, но и развитие всего аграрного комплекса страны.

ABSTRACT

The purpose of this article is to study the stages and trends, as well as to identify the problems of legal development of the Institute of farming in the Republic of Belarus. The research methods are: analysis, synthesis, generalization. The following conclusions are made based on the results of the analysis: currently there are many legal problems of the development of the institute of farming in the Republic of Belarus, on the solution of which depends not only the financial and social situation of a single farmer, but also the development of the entire agricultural complex of the country.

Ключевые слова: правовое развитие, институт фермерского хозяйства, фермерство, крестьянские хозяйства, проблемы правового развития.

Keywords: legal development, institute of farming, farming, peasant farms, problems of legal development.

В условиях очень сложной геополитической и общемировой экономической обстановки одним из наиболее приоритетных направлений государственной политики Республики Беларусь является развитие аграрного сектора и обеспечение продовольственной безопасности. На фоне этого особо актуализируется направление по развитию малых форм хозяйствования аграрного сектора, в частности, крестьянских (фермерских) хозяйств.

Если рассматривать фермерское хозяйство как правовой институт, то его развитие в Беларуси началось в первой половине 1990-х годов XX века, когда на территории независимой республики стали появляться разнообразные формы собственности и хозяйствования. Первых фермеров, которые создавали свои сельские хозяйства, называли арендаторами или «свободными» арендаторами. Правовой статус фермеры приобрели в феврале 1991 г., когда в стране был принят Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Можно с уверенностью утверждать, что крестьянское (фермерское) хозяйство является одной из относительно новых организационно-правовых форм аграрного предпринимательства в Республике Беларусь, возникновение кото-

рой связано с осуществлением аграрной реформы. Возрождение фермерского уклада на селе стало одним из основных направлений аграрной реформы.

Основными этапами развития института фермерского хозяйства в Республике Беларусь являются:

- 1) зарождение института (1989-1991 гг.);
- 2) формирование нормативной правовой базы института (1991-2009 гг.);
- 3) развитие института (2010-наше время).

На сегодняшний день нормативную правовую базу, регламентирующую деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в Республике Беларусь составляют:

- 1) Гражданский кодекс Республики Беларусь [1];
- 2) Закон Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [6];
- 3) Кодекс о земле [2];
- 4) Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом № 1 [5];
- 5) другие нормативные акты.

Гражданский кодекс Республики Беларусь выделяет крестьянское (фермерское) хозяйство как самостоятельную организационно-правовую форму коммерческой организации. Так, в соответствии со ст. 115¹ ГК крестьянским (фермерским) хозяйством признается коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи), внесшим (внесшими) имущественные вклады, для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по ее переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его (их) личном трудовом участии и использовании земельного участка, предоставленного для этих целей в соответствии с законодательством об охране и использовании земель [1].

При этом, уточняется, что в рамках представленного выше определения, членами семьи признаются супруги, их родители (усыновители), дети (в том числе усыновленные), братья и сестры, супруги и дети указанных лиц, а также

другие лица, признанные членами семьи в соответствии с законодательством о браке и семье.

Согласно п. 2 ст. 115¹ крестьянское (фермерское) хозяйство отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Члены крестьянского (фермерского) хозяйства не отвечают по обязательствам крестьянского (фермерского) хозяйства, а крестьянское (фермерское) хозяйство не отвечает по обязательствам членов крестьянского (фермерского) хозяйства, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Кроме ГК, правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства определяется Законом Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». В данном законе также приводится легальное определение крестьянского (фермерского) хозяйства.

В соответствии с нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», фермерским хозяйством может быть признана коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи), внесшим (внесшими) имущественные вклады, для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по ее переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его (их) личном трудовом участии и использовании земельного участка. При этом, как говорится в п.1 ст. 1 Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», данный земельный участок должен или может быть предоставлен для целей ведения хозяйства в соответствии с законодательством об охране и использовании земель [6].

По своей сути являясь юридическим лицом, фермерское хозяйство имеет соответствующие характерные признаки, включающие в себя: наличие имущества обособленного характера; индивидуальная имущественная ответственность; наличие единой организационной структуры; самостоятельное выступление от своего имени в гражданском обороте и судебных органах.

Таким образом, крестьянскому (фермерскому) хозяйству свойственно организационное единство, то есть наличие внутренней структуры, органов управления, обладающих соответствующей компетенцией.

Основным средством производства для фермера является земля, поэтому правовое регулирование земельных отношений имеет особое значение. Так, в соответствии с законодательством Республики Беларусь земельные участки для ведения фермерского хозяйства находятся в пожизненном наследуемом владении в размере до 100 га сельскохозяйственных земель с учетом местных условий и особенностей, специализации и возможностей обработки предоставленных земель. Кроме пожизненного найма законом предусмотрена также аренда сельскохозяйственных угодий. В случае, если глава хозяйства является иностранным гражданином или лицом без гражданства, кроме того, для целей производственной деятельности земельные участки предоставляются в аренду. Законодательные нормы не ограничивают размеры арендуемых площадей.

В земельном законодательстве Республики Беларусь существуют свои индивидуальные особенности в отношении фермерских хозяйств. Данные особенности или специфика заключается в том, что после государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства земельный участок предоставляется по выбору крестьянскому (фермерскому) хозяйству в постоянное пользование или аренду либо главе этого хозяйства в пожизненное наследуемое владение или аренду.

Проведенный анализ показал, что среди особенностей организационно-правовой деятельности фермерских хозяйств в Республике Беларусь можно выделить следующие:

- четко выраженный статус юридического лица со всеми характерными признаками и правовыми последствиями;
- система организации фермерского хозяйства носит сугубо семейный характер;
- в системе функционирования хозяйства принимают личное трудовое участие все его члены;

- за фермерским хозяйством закрепляется право собственности на имущество;
- земельные правоотношения носят ключевой характер в силу значимости земли для фермерского хозяйства;
- наличие некоторых особенностей в системе налогообложения по сравнению с другими коммерческими организациями;
- наличие государственной поддержки за счет отраслевых и межотраслевых программ.

При оценке правовых условий развития фермерских хозяйств в Беларуси следует признать существующие определенные проблемы:

- несовершенство законодательства о фермерском хозяйстве, в том числе в области имущественных и земельных отношений;
- несовершенство системы государственного регулирования, где приоритет отдается средним и крупным сельскохозяйственным предприятиям;
- несовершенство механизма государственной поддержки, например, требует усовершенствования механизм возвратного и безвозвратного финансирования.

Таким образом, в настоящее время существует множество правовых проблем развития института фермерского хозяйства в Республики Беларусь, от решения которых зависит не только финансовое и социальное положение отдельно взятого фермера, но и развитие всего аграрного комплекса страны.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. № 218-3 (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле: Кодекс Республики Беларусь от 23 июля 2008 г., № 425-3// Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Матох, С.А. Проблемы развития крестьянских (фермерских) хозяйств Беларуси / С.А. Матох // Агропонарама. – 2016. – № 3. – С. 45—48.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. / Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – №4. – С. 42.
5. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. О крестьянском (фермерском) хозяйстве [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 18.02.1991 № 611-ХІІ (в посл. ред. от 17 июля 2018 г. № 132-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Рошка, Т.Б. Проблемы функционирования и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств в АПК Республики Беларусь / Т.Б. Рошка, Н.Л. Кулакова, А.Г. Король // Молодой ученый. – 2014. – № 5. – С. 307-311.

ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННЫХ СДЕЛОК В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осипова Анастасия Марковна

*студент,
кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
РФ, г. Москва
E-mail: osipovanastya.5@gmail.com*

Федорова Ирина Александровна

*научный руководитель, канд. юр. наук, доц.,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
РФ, г. Москва*

PROBLEMS OF REMOTE TRANSACTIONS IN BUSINESS

Anastasia Osipova

*Student,
Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow*

Irina Fedorova

*Scientific supervisor, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день происходит активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественных отношений. Цифровизация затронула и договорные обязательства. Речь идет о так называемых дистанционных сделках, которые заключаются в электронной форме. Однако правовое регулирование таких сделок является несовершенным. Как следствие, имеется необходимость в доктринальном осмыслении особенностей и проблем дистанционных сделок в предпринимательской деятельности. Целью исследования является анализ проблем дистанционных сделок в предпринимательской деятельности. В качестве методов исследования используются такие как анализ, синтез, формально-юридический и иные. В качестве выводов указываются выявленные проблемы

правового регулирования дистанционных сделок в предпринимательской деятельности и тенденции развития действующего законодательства по данным вопросам.

ABSTRACT

To date, there is an active introduction of digital technologies in all spheres of public relations. Digitalization has also affected contractual obligations. We are talking about the so-called remote transactions, which are concluded in electronic form. However, the legal regulation of such transactions is imperfect. As a consequence, there is a need for a doctrinal understanding of the features and problems of remote transactions in business. The purpose of the study is to analyze the problems of remote transactions in business. As research methods, such as analysis, synthesis, formal legal and others are used. The identified problems of legal regulation of remote transactions in business activities and trends in the development of current legislation on these issues are indicated as conclusions.

Ключевые слова: дистанционные сделки, предпринимательская деятельность, потребитель, электронная форма, правовое регулирование.

Keywords: remote transactions, entrepreneurial activity, consumer, electronic form, legal regulation.

Спецификой дистанционных сделок выступает то, что они имеют определенные особенности в заключении, исполнении, изменении и расторжении. Однако законодатель этого фактически не учитывает в рамках правового регулирования, поэтому указанные вопросы подчиняются общим положениям гражданского законодательства, что является в корне неверным. Более того, законодатель не раскрывает содержательно специфику понятия и содержания сделок, заключаемых в электронной форме. Как следствие, стороны сделки сталкиваются с ненадлежащим исполнением договора. Например, потребители с некачественными и не в полной мере безопасными товарами и услугами, предоставляемыми в информационном поле. При этом зачастую нарушается

право потребителей и на получение достоверной информации о товаре или услуге. Как следствие, следует сосредоточить особое внимание на проблемах, связанных с заключением дистанционных сделок в предпринимательской деятельности.

Так, легальное определение сделок, совершаемых в электронной форме, в законе отсутствует. Спецификой таких сделок можно назвать то, что информационные технологии при электронном обмене документами в виде электронной криптографической цифровой подписи на сегодняшний день обеспечивают надежность и достоверность передаваемой информации. Данный факт обозначает применение электронных цифровых подписей как существенное условие для соблюдения простой письменной формы. Что касается видов сделок, совершаемых в электронной форме, на сегодняшний период становления информационного общества такой формат правоотношений получает все большее распространение. С развитием быстродействия и доступности информационной сети, отмечаются надежные условия для обеспечения безопасности электронных сделок, что поспособствовало увеличению электронной коммерции.

Однако заключение таких сделок на практике имеет ряд трудностей, которые главным образом вытекают из недостаточного правового регулирования указанных вопросов.

Фактически мы можем говорить о том, что если речь идет, например, о договоре купли-продажи, то потребитель не имеет возможности осмотреть его заранее. При этом оплата товара происходит при добавлении его в корзину и при вводе данных о месте, куда нужно будет доставить приобретаемый товар. Как следствие, если товар не подошел, то его бывает сложно вернуть [1, с. 569].

Далее представляется важным проанализировать практику правоприменения, которая отображает проблемы в сфере дистанционных сделок.

Так, в одном из примеров истец дистанционным способом приобрел у ответчика сплит-систему (кондиционер). При оформлении заказа никаких пометок о том, что товар был в употреблении, после ремонта, является витринным образцом или имеет недостатки, не было. Поскольку товар габаритный, сотруд-

ники магазина торопились, он расписался в бумагах, не вскрывая коробки. После ухода сотрудников магазина, вскрыв упаковку, он обнаружил, что внутренний блок кондиционера имеет недостатки. Истец хотел вернуть денежные средства за товар, но в удовлетворении заявленных требований было отказано [4].

В другом примере Г. обратился в суд с иском ИП Б., в котором просил признать действия ответчика, выраженные в установлении разных цен на товар в зависимости от способа оплаты, незаконными, возложить на ответчика обязанность по устранению данных нарушений. В результате заявленные требования судом были удовлетворены [5].

Встречаются и такие примеры в практике правоприменения. Истец обратился в суд с требованиями к ответчику о признании способов заключения договоров купли-продажи товара дистанционными, признании факта заключения договоров купли-продажи дистанционным способом, признании действительными договоров купли-продажи товара. Однако фактически судом было установлено, что товар не приобретался истцом дистанционным способом продажи товара, доказательства оформления заказа на сайте продавца и предварительной (до непосредственного осмотра товара) оплаты товара не представлены [6].

Можно заметить, что в последнее время особенно много споров, вытекающих из дистанционных сделок. Потребители оказываются в неравном положении с другой стороной сделки. Так, когда товар приходит, то многие потребители его даже не проверяют, а сразу подписывают акт приема-передачи. После этого, если даже товар оказался с дефектами, им достаточно сложно его вернуть. Основной акцент делается на том, что покупатель видел, что приобретал, когда оформлял заказ, при этом имел возможность с ним ознакомиться, когда принимал. Однако большинство потребителей в силу своей юридической неграмотности сначала подписывают, а потом только проверяют товар. В связи с этим при совершенствовании действующего законодательства основной акцент должен быть сделан на защите прав потребителей при приобретении ими товара или услуг в рамках информационного пространства.

Кроме того, как справедливо отмечается в научной среде, «около 80 % реального товарооборота при дистанционной торговле приходится на анонимных продавцов, в связи с чем информация о продавце вообще не представляется или представляется в виде абонентского ящика» [3, с. 69]. Как следствие, сложно говорить и о достоверности информации о приобретаемом товаре (на сайте представлена картинка товара и она выглядит одним образом, а приходит и по качеству другое, и по фасону).

Не менее важной проблемой является в целом не урегулированность действующего законодательства по вопросам специфики заключения сделки дистанционным способом. Речь идет, в частности, о применимом праве, если стороны сделки находятся в разных точках земного шара.

Как отмечает А.М. Самсонова «важным и проблемным вопросом остается идентификация сторон договорных отношений посредством интернет-пространства. Мы пришли к выводу, что нельзя достоверно идентифицировать субъекта посредством логина и пароля или же высланного индивидуального кода, посредством SMS-сообщения, которое подтверждает то или иное действие и выражает акцепт. Представляется, что подтверждение тех или иных операций, например, по аналогии со ст. 161 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [2]), превышающих десяти тысяч рублей, должны подтверждаться иными способами, которые позволяли бы достоверно идентифицировать субъекта договора, заключаемого в электронной форме. Например, в качестве такого пароля можно было бы использовать не формат текстового ввода, а функцию, используемую в iPhone – Face ID (функция распознавания лица) или сканер отпечатков пальцев для подтверждения той или иной операции» [8, с. 138].

В суд было заявлено требование о признании договора на выдачу кредита наличными недействительным.

Из материалов дела следует, что письменная форма кредитного договора соблюдена, условия его заключения согласованы сторонами надлежащим образом; на момент заключения договора банк не располагал информацией о со-

вершении в отношении истца мошеннических действий, при этом истец своими действиями нарушил условия договора о комплексном банковском обслуживании физических лиц, поскольку сообщил человеку, представившемуся сотрудником службы безопасности банка, пароли, полученные в SMS-сообщениях. В связи с этим в удовлетворении заявленных требований судом было отказано [7].

Данный пример из судебной практики свидетельствует о наличии трудностей при заключении договора (направление акцепта) посредством пароля, полученного в SMS-сообщении. На наш взгляд, это не соответствует интересам потребителей, поэтому положения о заключении сделки в электронной форме следует пересмотреть в рамках действующего гражданского законодательства. В свою очередь это предупредит и мошеннические схемы, которые достаточно активно распространяются на сегодняшний день.

Иными словами, можно заметить, что защита прав потребителей при заключении ими сделки в электронной форме имеет ряд достаточно важных проблем. Так, сложности возникают с возвратом товара ненадлежащего качества, с идентификацией продавца при заключении с ним сделки купли-продажи дистанционным способом. Нельзя не отметить и то, что зачастую нарушается право потребителей на достоверную информацию о приобретаемом товаре или услуге (заказывают одно, а приходит совершенно другое, еще и с дефектами). Продавцы достаточно часто изменяют в одностороннем порядке и условия договора (стоимость товара), когда уже фактически покупатель оплатил товар. Такое обстоятельство может выясниться и при приеме товара, когда продавец просит доплатить за товар (и за доставку даже если от товара откажется). Данные проблемы нарушают права потребителей. Как следствие, нуждаются в законодательном разрешении.

При этом следует отметить, что на сегодняшний день особое внимание передовых стран сосредоточено на автоматизации ряда процессов. Использование информационно-телекоммуникационных технологий на сегодняшний день прослеживается и при заключении гражданско-правовых сделок, в т.ч., когда одной из сторон договора выступает потребитель. В связи с этим, на наш взгляд, было

бы возможным позаимствовать данный опыт зарубежных стран и внести изменения в действующее законодательство с акцентом на возможность заключения таких договоров в электронной форме. При этом в данном случае следует отразить в законодательстве и особенности электронной формы дистанционных сделок (например, в каком порядке заключается, изменяется и расторгается). В частности, заключение дистанционных сделок могло бы происходить с использованием так называемых смарт-контрактов.

Так, смарт-контракт можно понимать в качестве особого вида договора. Ему присущи следующие признаки: существование исключительно в электронной форме; условия закрепляются с помощью языков программирования и формируются по модели договора присоединения; такой договор всегда формирует встречное обязательство; направленность на распоряжение цифровыми активами. Важным теоретическим и практическим выводом следует рассмотреть положение о том, что смарт-контракт – всегда договор присоединения.

Таким образом, правовое регулирование дистанционных сделок в предпринимательской деятельности имеет ряд проблем. Представляется, что законодателем особый акцент должен быть сделан на специфике заключения самих электронных сделок. Особенности их формы и порядка заключения должны найти отражение в рамках самостоятельной статьи ГК РФ. При этом дополнительно следует урегулировать и вопрос применимом праве, если стороны дистанционной сделки находятся в разных точках земного шара.

Иными словами, основной вектор развития действующего законодательства должен быть взят на защиту прав сторон дистанционной сделки в условиях цифровой реальности. Для этого важно урегулировать должным образом электронные (дистанционные) сделки. Так, например, следует дополнить ГК РФ статьей «Электронная форма сделки», а также статьей «Смарт-контракт». В рамках данных статей следует дать определение как электронной форме сделки, так и смарт-контракту. Например, определенной электронной формы сделки можно представить в следующем виде: «Сделка в электронной форме – это волеизъявление сторон, выраженное с помощью электронных или технических

средств, для которой законом или соглашением сторон не установлена устная или письменная (простая и нотариальная) форма, может быть совершена в форме электронного документа (файла или компьютерной программы)». Тогда как определение смартконтракта могло бы выглядеть следующим образом: «под смарт-контрактом следует понимать договор, заключаемый в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется посредством совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств».

Список литературы:

1. Величко, В.В. Дистанционный способ торговли в условиях цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2021. – № 1. – С. 569-573.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Дмитриева, М.В. Дистанционный способ продажи товаров: некоторые аспекты защиты прав потребителей / М.В. Дмитриева // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. – 2016. – С. 68-71.
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 по делу № г-6809/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2021 по делу № 88-5177/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 № 88-223/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 № 88-19614/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Самсонова, А.М. Некоторые проблемы защиты прав сторон сделки, заключенной в электронной форме / А.М. Самсонова // В сборнике: Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов. Материалы Международной научной студенческой конференции. – Тверь, 2020. – С. 136143.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЕАЭС: ОСНОВНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Сайфуллаев Джамшид Эркинович

*магистрант, Юридический факультет,
Российский государственный гуманитарный университет,
РФ, г. Москва
E-mail: djamshid@sayfullaev.ru*

Самойлова Валентина Владимировна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
кафедра финансового права, Российский государственный
гуманитарный университет,
РФ, г. Москва*

Интеграция (лат. «целое», восстановление, пополнение целого) предполагает создание нового независимого целого, образованного из совокупности отдельных частей.

Региональная интеграция представляет собой долгосрочное добровольное сотрудничество двух или более образований (соответственно государств или государственных образований, особенно правительств) в ограниченном географическом пространстве в целях постоянного институционализированного слияния и совместного урегулирования в одной или нескольких областях политики.

Правовой основой региональной интеграции, как правило, является договорное соглашение, согласно которому принимаются материальные правила и/или создаются институты, которые при необходимости могут быть приняты. Следует отметить, что региональная интеграция – это процесс мирного преодоления политических, материальных, экономических и социальных барьеров, отделяющих страны от их соседей, а также совместная работа по управлению общими ресурсами и работе с региональными богатствами.

Российский экономист, один из основателей национальной школы интеграционных исследований Ю.В. Шишков подчеркивает, что интеграция национальных макроэкономических организмов – это не мода, даже не метод торговли или политического противостояния между группами стран, а «природное

явление, подготовленное всей предшествующей историей хозяйственной деятельности человека» [2].

Ю.В. Шишков предлагает осмыслить сущность интеграции через концепции интернационализации и глобализации. Исходя из того, что интернационализация является наиболее общей концепцией усиления взаимодействия между государствами – от первых проявлений международного разделения труда до современной сложной и многоуровневой системы международных отношений и взаимозависимостей – и – от двустороннего до регионального и глобального уровней. Таким образом, по его мнению, «глобализация – это новое качество интернационализации на этапе ее максимально возможного развития вширь, а интеграция – высшая стадия ее глубокого развития».

Доктор экономических наук, член-корреспондент РАН О.В. Буторина выделяет пять основных признаков интеграции [1, с.192].

Во-первых, охарактеризовать интеграцию как систему (когда рассматриваемое целое больше суммы его составных частей) [4]. Результатом интеграции является синергетический эффект, «то есть получение такой силы, которая превышает сумму индивидуальных сил». Например, евро – единая европейская валюта – стабилен, обладает высокой покупательной способностью, высокой степенью доверия населения к денежной единице, стабильным уровнем инфляции и большим весом, чем предыдущие национальные валюты вместе взятые.

Второй признак заключается в том, что интеграционное объединение изолировано от внешнего мира, а внутри объединения устраняются границы и барьеры для торговли и передвижения, т.е. создается свободное единое пространство. Другими словами, торговля товарами в рамках интеграционной группировки происходит без ограничений, а импорт тех же товаров облагается высоким налогом или запретительной антидемпинговой пошлиной.

Третья особенность заключается в том, что интеграция является чисто добровольной. Как отмечает О.В. Буторина, «стихийное усиление взаимозависимости государств (например, за счет активной внешней торговли, деятельно-

сти ТНК и финансовых групп) нельзя считать интеграцией». Кроме того, силовое объединение территорий нельзя назвать интеграцией.

Четвертая особенность заключается в том, что, в отличие от международных организаций, интеграция распространяется не только на внешнюю политику, но и на внутреннюю политику стран-участниц. Кроме того, международные организации более специализированы (например, ОБСЕ – по вопросам безопасности, Всемирный банк – по финансам, ВОЗ – по здравоохранению). Региональные интеграционные объединения имеют более универсальный характер и затрагивают большое количество сфер (как политической, так и экономической) в зависимости от степени интеграции.

Пятая отличительная черта, по мнению О.В. Буториной, основана на осознании региональной интеграции как общности будущей исторической судьбы ее членов. Или, другими словами, единство образа будущего и общее стремление к нему. Мы полностью согласны с выявленными признаками интеграционных процессов, но было бы целесообразно дополнить существующие признаки еще одним – наличием наднациональных органов управления на высоких этапах интеграции, что также является отличием от международных правительственных организаций.

Евразийская интеграция имеет длительную историю и в результате имела множество различных форм: от скифских племен и Монгольской империи до Российской империи, СССР, а теперь уже в усеченном виде СНГ и ЕАЭС. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. заложил основы современного интеграционного строительства. Ему предшествовало предложение о создании в 1994 году (на тот момент Президентом Казахстана) Нурсултаном Назарбаевым Евразийского Союза Государств. В течение следующих 25 лет, до подписания Договора о ЕАЭС 29 мая 2014 г., завершились этапы зоны свободной торговли, ЕврАзЭС, Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках пяти государств. Однако в то время, несмотря на большое количество договоренностей, не удалось создать ни таможенный союз, ни единое экономическое пространство. Независимые государства не были готовы

делегировать часть своих экономических полномочий, а, как известно, без создания наднациональных структур невозможно создание интеграционного объединения.

На основании результатов анализа эффективности интеграционных объединений в литературе [3] нами была составлена система мер по решению выявленных проблем евразийского экономического Союз, реализация которого позволила бы добиться социально-экономического прорыва как интеграционного объединения в целом, так и отдельных его участников в целях повышения качества жизни населения:

I. Экономический:

1. Реструктуризация структуры экономики от преимущественного экспорта ресурсов к их переработке и производству.

2. Содействовать переходу к наукоемкой экономике путем инвестирования в исследования и разработки в размере 3% от ВВП ЕАЭС.

3. Развитие специализации стран ЕАЭС в смежных отраслях производства. Устранение однотипной структуры экспорта товаров ЕАЭС за счет создания собственных цепочек добавленной стоимости в несырьевых, наукоемких и высокотехнологичных секторах экономики (об этом подробно писал А.В. Цой) [5, с. 1223].

4. Развитие инфраструктурной взаимосвязанности государств «Большой Евразии».

5. Расширение использования национальных валют государств-членов во взаимной торговле с конечной целью создания валютной зоны ЕАЭС и торговли этой валютой с третьими странами.

6. В связи с отрицательной динамикой взаимных инвестиций необходимо улучшить инвестиционный климат в несырьевых секторах экономики для стран Союза и создать барьеры для ограничения расширения прямых иностранных инвестиций третьих стран.

7. Цифровая интеграция: создание интегрированной информационной системы ЕАЭС для межгосударственного обмена данными и электронными документами.

8. Интеграция науки и образования, обмен передовыми технологиями.

9. Унификация налоговых ставок на чувствительные товары.

10. Упрощение процедур пересечения государственных границ на пространстве ЕАЭС с учетом текущей эпидемиологической ситуации, в том числе мобильность граждан стран Союза с целью трудоустройства.

II. Структурные:

1. Расширение наднациональной составляющей: создание и развитие наднациональных институтов, в том числе за счет расширения полномочий Евразийской экономической комиссии.

2. Создание Центрального банка ЕАЭС.

III. Идеино-политические:

1. Выработка единой внешнеэкономической политики, в том числе по вопросу о контрсанкциях против Запада.

2. Улучшение координации внутренней торгово-экономической и денежно-кредитной политики.

3. Расширение общего рынка за счет вступления в объединение новых участников, в первую очередь, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Грузии, а позднее Молдовы, Кубы, Вьетнама, Ирана и воссоединившейся Кореи.

4. Формирование «большого евразийского партнерства» (по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина).

5. Проработка вопроса выхода стран ЕАЭС из ВТО для ускорения индустриализации.

6. Развитие масштабных наднациональных интеграционных проектов. Что касается Евросоюза, то ключевой его проблемой на сегодняшний день является глубокая внутренняя дифференциация, разные темпы экономического роста.

Отставание стран внутри ЕС остается не количественным, а качественным. ЕС оставался эффективным, расширяясь и захватывая новые рынки, поскольку

суть капитализма – «новый колониализм», т. е. рынок, нежизнеспособный в рамках. В этом плане мы не видим перспектив дальнейшего развития ЕС и решения его системных проблем. Несмотря на это, ЕС, хотя и остановился в развитии, добился экономических успехов, на которые нужно равняться.

Таким образом, предлагаемые рекомендации по развитию ЕАЭС во многом повторяют успешный опыт ЕС на прошлых этапах его развития, но актуализируются с учетом текущей ситуации и различий этих объединений.

Таким образом, выявлено, что региональная интеграция является основным инструментом экономического роста развивающихся стран и их «подтягивания» до уровня более развитых экономик интеграционного объединения.

Интеграция корректирует структуру рынков и создает эффективные торговые блоки с большими рынками, достаточными для обеспечения эффекта масштаба и конкуренции.

В ЕАЭС интеграция началась как осознание целесообразности сохранения тесных экономических связей и создания экономического союза после распада единой экономической системы – СССР, а также для всесторонней модернизации, повышения конкурентоспособности и кооперации национальных экономик, содействия стабильное развитие в целях повышения уровня жизни населения. Эти предпосылки определяют скорость и эффективность построения интеграции. Стоит отметить, что темпы евразийского интеграционного строительства превосходят аналогичные европейские процессы.

Хотя, несмотря на то, что на сегодняшний день создание правовой архитектуры ЕАЭС практически завершено, значительных экономических успехов объединение пока не принесло. Поэтому желающих вступить в ЕАЭС на данный момент нет, в отличие от ЕС.

Россия доминирует в ЕАЭС – на нее приходится около 60% всего товарооборота, который состоит в основном из сырой нефти и природного газа, товаров, которые можно реализовать где угодно (при наличии необходимой инфраструктуры) и которые не требуют типичных сложных торговых переговоров промышленных товаров.

Также отличительной особенностью является состав членов объединений. В ЕАЭС наблюдается сильный дисбаланс экономик. Интеграционные эффекты будут нарастать в обоих объединениях за счет реализации существующих планов в сферах инфраструктуры, промышленной политики, агропромышленного комплекса, рынка труда, единого пенсионного пространства, сотрудничества в сфере науки и образования.

При этом, учитывая возраст объединений, ЕАЭС еще предстоит пройти множество этапов, в первую очередь выделенных в рекомендациях, но и включающих в себя заключение соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве с другими государствами и объединениями, а также согласование политики с Китаем. и ЕС в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Для этого потребуются переговоры и выработка общей позиции по инфраструктурным мегапроектам, детальное обсуждение Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, а также после урегулирования текущего политического кризиса налаживание связей с ЕС.

Список литературы:

1. Буторина О.В. (2005) Концепция региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13). 137 с.
2. Интеграционные процессы на пороге XXI века : Почему не интегрируются страны СНГ / Ю.В. Шишков. – М. : НП "III тысячелетие", 2001. – 478 с.
3. Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение : Международная конференция (Минск, 25-27 ноября 2020 г.) : сборник материалов / Суд Евразийского экономического союза ; редколлегия А.С. Бугаевой [и др.]. – Минск : Цветград, 2021. – 354 с.
4. Стрежнева М.В. ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов. М., Издание МОНФ, 1999
5. Цой А.В. Проблемы развития Евразийского экономического союза. Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7. – С. 1223-1234.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕДИНОЙ ВАЛЮТЫ В ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сайфуллаев Джамшид Эркинович

*магистрант, Юридический факультет,
Российский государственный гуманитарный университет,
РФ, г. Москва
E-mail: djamshid@sayfullaev.ru*

Самойлова Валентина Владимировна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
кафедра финансового права, Российский государственный
гуманитарный университет,
РФ, г. Москва*

Интеграция экономик стран ЕАЭС длится уже более двадцати лет, отправной точкой было создание Евразийского экономического сообщества в 2000 году, просуществовавшего до 2014 года [6, с. 15]. В 2010 году создается Таможенный Союз между странами, которые в дальнейшем составят костяк ЕАЭС. Дальнейшим шагом было создание Единого экономического пространства, и финальной точкой стало подписание договора о создании Евразийского экономического союза, в который вошли Казахстан, Армения, Киргизия, Беларусь и Россия.

На протяжении всего существования ЕАЭС поднимается тема о формировании единого экономического и валютного союза, однако следует признать невозможность этого в связи с тем, что на сегодняшний день не пройдены существенные этапы экономической интеграции стран-участников ЕАЭС, поскольку для создания единой валюты требуется принимать во внимание множество факторов: национальные, региональные и глобальные. Как указывается в литературе, основная предпосылка введения единой валюты ЕАЭС является укрепление финансового, валютного и экономического потенциала регионального союза [5, с. 34].

Главный вопрос при образовании единого валютного пространства является то, какая именно валюта будет введена. Положительной стороной введения единой валюты является уменьшение неопределенности в экономике, поскольку

ку единая валюта позволяет обеспечить стабильное соотношение цен на товары, а также снижает издержки в осуществляемых транзакциях между странами [10].

Основоположником теории о необходимости создания региональных оптимальных валютных зон (ОВЗ) с единой валютой, был Р. Манделл [11, с. 667]. В соответствии с его теорией, для создания единой валютной зоны, странам необходимо соответствовать ряду специальных критериев, которые определяют возможность создания таковой и ее эффективность. Так, данными критериями выступают:

- мобильность факторов производства;
- открытость экономики и ее размер;
- диверсификация экономики;
- сходство темпов инфляции;
- экономическая интеграция;
- политическая интеграция [2].

Однако, даже в том случае, если все условия соблюдаются, существует вероятность возникновения негативных последствий от образования единого валютного пространства.

В научном сообществе существует ряд исследований, посвященных анализу существующих препон образования единой валютной зоны между странами-участниками ЕАЭС. К ним относятся:

- значительная волатильность макроэкономических показателей (ВВП, ИПЦ);
- доминирование одного из участников (России);
- высокая зависимость от сырьевого сектора экономики, что минимизирует независимость валюты в кризисный период (снижение цен на сырье и др.) и увеличивает ее волатильность по отношению к внешним негативным шокам [9].

Обязательное условие для образования единого валютного пространства – достижение странами-участниками ЕАЭС соответствующего уровня конвергенции [4], подразумевающей наличие тождества между национальными экономиками стран, входящих в ЕАЭС [1, с. 29].

Между тем, на сегодняшний день на государственном уровне говорится что заявлять о введении единой валюты пока рано.

В феврале 2021 года член Коллегии ЕЭК заявил об отсутствии объективных предпосылок для введения единой валюты в ЕАЭС: «Ни в одном договоре в рамках ЕАЭС, ни в одном другом каком-то акте в рамках ЕАЭС не говорится о введении единой валюты. И таких планов нет. Нет таких планов и в стратегии развития до 2025 года. Переговоры об этом не ведутся, эта тема не обсуждается. На мой взгляд, нет объективных предпосылок для введения единой валюты» [12].

Как отмечается, ЕАЭС сильно отличается от Европейского союза, страны которого пользуются единой валютой и создали монетарный союз.

В ЕАЭС доля взаимной торговли в общем внешнеторговом обороте не превышает 15%, тогда как в ЕС этот показатель достигает 60-70%. Но даже при этом из 28 стран ЕС в монетарный союз вступило только 19. А если обратиться к кризису 2008 года, то, возможно, использование единой валюты во многом усугубило выход из кризиса для некоторых стран Союза [13].

Если говорить о краткосрочных последствиях, то нужно сказать следующее: страны-участники могут понести долгосрочные издержки от перехода или адаптации к новой единой валюте.

Одним из последствий введения единой валюты является потеря государством возможности корректировать монетарную политику. Также может быть потеря независимости денежно-кредитной политики при введении единой валюты, то есть той программы финансов и монетарной деятельности, которая выгодна только для конкретной страны или региона.

При введении единой валюты власти сталкиваются с проблемой получения государством специфической прибыли от выпуска денег – сеньоража, то есть здесь речь идет о возможности получить экономический выигрыш за счет эмиссии средств центральным банком на бесплатной основе [7].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, на сегодняшний день мы видим, что говорит в создании единого валютного пространства на территории

ЕАЭС пока рано, поскольку для этого отсутствуют необходимые условия. Вместе с тем, существует определенная позитивная тенденция в этом направлении.

Список литературы:

1. Войтехович А. Оценка уровня конвергенции экономик стран ЕАЭС как предпосылки создания валютного союза //Банковский вестник. – 2018. – №. 12. – С. 26-38.
2. Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ //Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. ЕТ Гайдара». – 2004. – №. 80.
3. Интеграционные процессы на пороге XXI века : Почему не интегрируются страны СНГ / Ю.В. Шишков. – М. : НП "III тысячелетие", 2001. – 478 с.
4. Кот А.А. Этапы эволюции теории оптимальных валютных зон //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2014. – №. 2.
5. Красавина Л.Н. Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон //Деньги и кредит. – 2015. – №. 7. – С. 33-40.
6. Курылев К.П., Станис Д.В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы //Современная наука. – 2015. – №. 2. – С. 13-18.
7. Сухарев А.Н., Голубев А.А. Проблемы введения единой валюты в Евразийском экономическом сообществе //Финансы и кредит. – 2015. – №. 6 (630).
8. Цой А.В. Проблемы развития Евразийского экономического союза. Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 7. – С. 1223-1234.
9. Щеголева Н.Г., Терентьева О.И. Валютная интеграция в ЕАЭС: тестирование на соответствие критериям оптимальной валютной зоны // Вестник Академии. – 2017. – №. 3. – С. 17-23.
10. Ching S., Devereux M.B. Risk Sharing and the theory of optimal currency areas: a re-examination of Mundell 1973. – 2000.
11. Mundell R.A. A theory of optimum currency areas //The American economic review. – 1961. – V. 51. – №. 4. – P. 657-665.
12. В ЕЭК снова заговорили о возможном введении единой валюты для стран ЕАЭС [Электронный ресурс] URL: <https://liter.kz/v-eek-snova-zagovorili-o-vozmozhnom-vvedenii-edinoi-valiuty-dlia-stran-eaes-1661580256/>
13. В ЕАЭС единую валюту вводить не будут. И никогда не планировали [Электронный ресурс] URL: <https://liter.kz/v-eaes-ne-budut-vvodit-edinuyu-valyutu-i-nikogda-ne-planirovali/>

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА И АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Севастьянов Виталий Денисович
студент, кафедра уголовного права,
Российский государственный гуманитарный университет,
РФ, г. Москва
E-mail: sevastyanov_1996@inbox.ru

DIFFERENTIATION OF THE LEGAL STATUS OF THE DEFENDER AND DEFENSE LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vitaly Sevastyanov
Student,
Department of Criminal Law,
Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Современная сфера уголовного судопроизводства нуждается в актуализации нормативных положений, которые совершенствовали бы статус субъектов уголовного процесса. Существующие правовые пробелы прямо сказываются на нецелесообразности разграничения статуса защитника и адвоката-защитника, что влечет к невозможности полноценной реализации прав и свобод лиц уголовного процессе.

ABSTRACT

The modern sphere of criminal justice needs to update the regulations that would improve the status of the subjects of the criminal process. The existing legal gaps directly affect the inappropriateness of distinguishing between the status of a defender and a defense lawyer, which leads to the impossibility of full realization of the rights and freedoms of persons in criminal proceedings.

Ключевые слова: защитник, адвокат, адвокат-защитник, уголовный процесс, судопроизводство.

Keywords: defender, lawyer, defense lawyer, criminal process, legal proceedings.

Для начала, безусловно, обратимся к анализу нормативных положений Основного закона страны в Российской Федерации, в котором прямо указано, что каждый человек и гражданин имеет право на квалифицированную юридическую помощь, данный факт подтверждает и комплекс международного законодательства в части защиты прав и свобод человека – «...каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения вправе защищать себя лично или через выбранного им самим защитника»[4]. На данном положении базируется вся система власти в государстве – и исполнительная, и судебная, и законодательная, соответственно. Также справедливо сделать вывод о том, что отмеченное нами конституционное право видоизменило статус адвоката в современном Российском обществе в сравнении, например, с дореволюционным и советским периодом. На данный период времени – в условиях 2022 года мы идентифицируем адвокатскую деятельность в качестве процесса оказания юридической квалифицированной помощи лицами, которые имеют как статус адвоката, так и право на осуществление соответствующей деятельности на профессиональной основе.

«Надлежащее раскрытие правового статуса адвокат невозможно без исследования правовой природы процессуальной и непроцессуальной форм его деятельности, в частности, в контексте их разграничения»[3, с. 109]. Верно будет отметить и тот факт, что адвокат в реалиях современного российского общества выступает в качестве защитника не только в уголовном судопроизводстве. Адвокат является советником, имеющим профессиональную квалификацию по общему комплексу разнообразных правовых вопросов и споров. Адвокат может оказывать юридическую помощь в рамках трудового спора, гражданского, уголовного, семейного и т.д.

Говоря непосредственно об уголовном судопроизводстве и роли адвоката в нем, следует указать, что такая профессиональная помощь исследуемого нами субъекта довольно разнообразна. Так, адвокат может принимать участие в рамках предварительного следствия, в суде, как защитник, как представитель потерпевшей стороны, как представитель гражданского истца. Адвокатом,

соответственно, реализуется множество профессиональных функций в рамках судопроизводства, ввиду чего определяется и его статус в уголовном производстве, который законодательно закреплён в положениях УПК РФ.

В качестве особенности исследуемого статуса выступает область деятельности адвоката – непосредственная «защита» лица, который в ней нуждается. Защита в данном случае идентифицируется как квалифицированная помощь юридического характера. В целом, можно утверждать о возможности рассмотрения указанного понятия в широком и узком значении. Защита в широком смысле ее идентификации выступает профессией отстаивания прав, свобод, а также интересов лица вне зависимости от правовой сферы – об этом мы утверждаем, отталкиваясь от конституционных положений.

Тем не менее, точки зрения теоретиков не всегда совпадают с ключевой законодательной позицией. Многие утверждают, что статус адвоката следует идентифицировать как лица, осуществляющего защиту, имеющего особый статус, выступающего субъектом, реализующим противодействие процессу расследования. С данной точкой зрения, мы, безусловно, несогласны. Мы считаем, что роль адвоката в уголовном судопроизводстве состоит, в первую очередь, в исследовании общего процесса совершенного наряду с выявлением роли и степени вины защищаемого им лица, поиском смягчающих обстоятельств. В рамках уголовного процесса термин «защита» имеет несколько узкий характер интерпретации, поскольку он связывается напрямую с лицом, находящимся под преследованием со стороны уголовного закона. Соответственно, в качестве определяемого нами лица выступает подозреваемый, или обвиняемый субъект.

УПК РФ закрепляет факторы обязательного участия защитника в уголовном процессе и т.д. между тем, повторно обратим внимание на факт того, что со стороны теоретиков продолжает оставаться актуальной точка зрения о том, что функция и прямое назначение деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве прямо противостоят функциям государственного обвинителя. Наша же точка зрения состоит в том, что две указанные нами составные части уголовного процесса не следует соотносить между собой как противоборствующие

стороны, потому как каждая из них имеет предназначение, не пересекающееся между собой.

Также обратим внимание на отсутствие четко-установленного определения термина «защита». Между тем, анализ нормативной базы и литературы позволил нам выявить общее определение «защите в уголовном судопроизводстве», так, это процесс реализации процессуальной деятельности адвоката и уголовно преследуемого лица, которая прямо состоит в том, чтобы опровергнуть подозрение или обвинение лица, либо смягчить предстоящую уголовную ответственность.

Обратим внимание на существование в литературе и практике феномена «представительства», в уголовном процессе он также имеет особое значение. Представительство, которое на практике реализуется адвокатом (на практике выступающее договорным, прямо связывается с такими субъектами, как: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель. Адвокат-защитник, по мнению многих теоретиков, является именно представителем, поскольку он реализует свою деятельность от имени преследуемого законом лица и в его интересах. При этом, обращаясь к анализу федерального законодательства, укажем, что деятельность адвоката в уголовном процессе, помимо прямого оказания квалифицированной юридической помощи в отношении лица, которое является уголовно-преследуемым, выступает именно представительством.

Соответственно, логика законодателя крайне проста – если адвокат прямо не выступает защитником, значит, он выступает как представитель в уголовном процессе. Между тем, вывод законодателя противоречит закрепленному кругу лиц, которых адвокат может представлять. В данном контексте обратимся к Конституции РФ, в которой прямо указано, что адвоката для защиты своих прав имеют право привлекать свидетели, лица, которые привлекаются к расследованию на стадии возбуждения, а также, к примеру, лица, в помещении которых реализуется обыск, и прочие. Отмеченный нами факт прямо побуждает к возникновению вопроса об идентификации статуса адвоката, который реализует оказание помощи юридического характера в отношении иных

участников уголовного судопроизводства. Защитникам выступает адвокаты – ранее нами был установлен данный аспект. При этом, в качестве защитника допускается участие близкого родственника защищаемого лица.

В данном случае прослеживается наличие законодательного пробела об отсутствии оснований, на базе которых указанное право может быть ограничено. Укажем, что ходатайство о вышеуказанном процессе рассматриваются судом, но, при этом, отсутствуют критерии, в соответствии с которым можно проанализировать допуск лица к реализации защитных функций. Также укажем о существовании Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»[1], прямо указывающего, что защита обвиняемого в рамках досудебного производства может быть реализована исключительно адвокатом.

Так, соответственно, рассмотренные нами аспекты отражают характер различий правового статуса адвоката и защитника в рамках уголовного процесса, что обусловило наличие правовых пробелом, а именно – отсутствие критериев разграничения возможности защитника принимать участие в защите лица в рамках уголовного процесса, не будучи при этом адвокатом в рамках профессионального статуса. Между тем, отметим, что «институт адвокатуры играет ведущую роль по оказанию квалифицированной юридической помощи населению» [2, с. 346].

Список литературы:

1. Пленум Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8439/> (дата обращения: 05.11.2022).
2. Бирюкова О.В., Бондаренко И.С., Винниченко О.Ю. Историко-правовой анализ развития института адвокатуры в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-razvitiya-instituta-advokatury-v-rossii> (дата обращения: 05.11.2022).

3. Заборовский В.В. Особенности процессуальной и непроцессуальной форм деятельности адвоката и их разграничение // LegalConcept. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protssesualnoy-i-neprotsesualnoy-form-deyatelnosti-advokata-i-ih-razgranichenie> (дата обращения: 05.11.2022).
4. Макашова Т.П. Виды уголовно-процессуальных функций адвоката // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. №1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-ugolovno-protssesualnyh-funktsiy-advokata> (дата обращения: 05.11.2022).

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Тугова Надежда Сергеевна

*студент,
Хабаровский государственный университет
экономики и права,
РФ, г. Хабаровск
E-mail: tamova98@bk.ru*

Корнилова Наталья Викторовна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Хабаровский государственный университет
экономики и права,
РФ, г. Хабаровск*

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе анализируются понятие и юридическая сущность злоупотребления правом в российском гражданском праве. Рассматриваются критические подходы к концепции злоупотребления правом, понятие и виды злоупотребления гражданским правом, отмечаются недостатки его законодательного регулирования.

Ключевые слова: гражданское право, злоупотребление гражданским правом, злоупотребление правом, недобросовестность, субъективное право.

Институт злоупотребления правом в континентальной правовой системе, к которой относится и Россия, существует очень давно. Споры юристов о его целесообразности носят многовековой характер. Так, с момента своего зарождения концепция злоупотребления правом вызывала самые разные мнения, как положительные, так и отрицательные.

Как правило, субъективное право определяется как свобода, которая гарантирована правовой нормой. Это означает свободу воли и действий, которая допускается для одного лица в правоотношениях с другими лицами [4, с. 43]. В самом общем виде «злоупотребление», «злоупотребление правом» означают, что реализация субъективного права, гарантированного законом, в некоторых

случаях может повлечь за собой наступление юридической ответственности или других негативных последствий.

Критики концепции злоупотребления права утверждают, что там, где есть субъективное право, нет злоупотреблений. Это наиболее часто используемый аргумент для опровержения юридического значения данной концепции. Приверженцы этого научно-правового взгляда настаивают на том, что право прекращается там, где начинается злоупотребление, и не может быть злоупотребления каким-либо правом по той причине, что одно и то же действие не может одновременно соответствовать и противоречить закону [3, с. 58].

По мнению некоторых правоведов, само словосочетание «злоупотребление правом» носит противоречивый характер, поскольку термины «право» и «злоупотребление» не согласуются друг с другом. Так, С.А. Григорян указывает, что термин «злоупотребление правом» похож на оксюморон, то есть синтаксический союз двух противоречащих друг другу понятий [2, с. 138].

Одним из преимуществ действующего гражданского законодательства Российской Федерации является то, что отечественный законодатель раскрывает содержание злоупотребления правом. Так, легальная дефиниция данного понятия содержится в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Российский законодатель в ст. 10 ГК РФ перечисляет неправомерные действия, которые признаются злоупотреблением правом. В частности, таковыми являются: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу; 2) действия в обход закона с противоправной целью; 3) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Таким образом, законодательный перечень действий, которые могут быть признаны злоупотреблением гражданским правом, не имеет исчерпывающего характера. Суд может признать злоупотреблением гражданским правом любое действие, которое выражается в недобросовестной реализации гражданского права.

При анализе ст. 10 ГК РФ, регламентирующей институт злоупотребления правом, важно учитывать, что российский законодатель назвал данную граж-

данско-правовую норму «Пределы осуществления гражданских прав». По сути, это означает, что российская правовая система не признает неограниченный характер осуществления гражданских прав. Таким образом, у реализации любого гражданского права есть определенные пределы (границы). Эти пределы очерчиваются с помощью категории «недобросовестность». Иными словами, если конкретный участник гражданских правоотношений недобросовестно реализует вверенные ему гражданские права, это означает, что он вышел за установленные законом пределы.

Ст. 10 ГК РФ является общей нормой. При этом можно встретить ее конкретизацию в других статьях ГК РФ. Классическим примером являются пределы осуществления права собственности как разновидности гражданского права. Так, в п. 2 ст. 209 ГК РФ указывается, что собственник может реализовывать право собственности посредством любых действий, но такие действия не должны: 1) нарушать законодательство; 2) права и законные интересы других участников гражданских правоотношений.

В заключение отметим, что нынешняя редакция ст. 10 ГК РФ изобилует оценочными юридическими категориями. Это является безусловным недостатком законодательного регулирования института злоупотребления гражданским правом. Так, отсутствие четких и ясных конструкций негативным образом сказывается на единообразном понимании судами злоупотребления гражданским правом и, следовательно, судебной защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от злоупотребления гражданским правом.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Григорян С.А. Некоторые особенности интерпретации категории «злоупотребление правом» // Образование и право. 2021. № 4. С. 136-141.
3. Лукина Е.В. Злоупотребление правом и недобросовестность в гражданском праве России и Германии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5 (144). С. 57-59.
4. Мирашивили А.С. Сравнительный анализ института злоупотребления правом в различных отраслях права // Интернаука. 2022. № 16-7 (239). С. 42-44.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Шишкина Александра Геннадьевна

студент,

кафедра уголовного права,

Российский государственный гуманитарный университет,

РФ, г. Москва

E-mail: aleksandrasokolova22@mail.ru

THE IDENTITY OF THE CRIMINAL AND THE VICTIM IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE FAILURE TO FULFILL THE DUTIES OF RAISING A MINOR

Alexandra Shishkina

Student,

Department of criminal law,

Russian State University for the Humanities,

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Настоящая работа посвящена личности преступника и потерпевшего в структуре криминалистической характеристики неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Рассматриваются социально-демографические, психологические аспекты личности преступника и потерпевшего по уголовным делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

ABSTRACT

The present work is devoted to the personality of the criminal and the victim in the structure of the criminalistic characteristics of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor. The socio-demographic, psychological aspects of the personality of the criminal and the victim in criminal cases of non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor are considered.

Ключевые слова: неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего; потерпевший; преступник.

Keywords: failure to fulfill the duties of raising a minor; victim; criminal.

Перед тем, как охарактеризовать личность преступника и потерпевшего по уголовным делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, определимся с базовыми понятиями.

Стоит отметить, что личность преступника и потерпевшего – это в первую очередь социальные характеристики, а не юридическая конструкция, которая используется в законодательстве для описания определенных признаков индивида. Как правило, личность расценивается как система социально-психологических характеристик, которые сформировались в процессе социализации индивида и ситуаций, обуславливающих его поведение (преступное или виктимное) [3, с. 28].

Необходимо подчеркнуть, что преступники по уголовным делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего делятся на две основные группы: 1) лица, которые обязаны выполнять воспитательную функцию в отношении конкретного ребенка в силу существования между ними семейной связи (например, родители); 2) лица, которые обязаны выполнять воспитательную функцию в отношении конкретного ребенка в силу профессионального долга (например, учителя). Это вытекает из содержания ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4], предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Практика показывает, что в преобладающем большинстве случаев данную категорию преступлению совершают мужчины (в 80% случаев). Напомним, что обязательным элементом объективной стороны преступления, установленного ст. 156 УК РФ, является осуществление жестокого обращения в отношении ребенка. Собственно, этим и объясняется то, что мужчины чаще женщин привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступления этой категории. Дело в том, что мужчины более склонны к агрессии, применению насилия. Это подтверждается многочисленными психологическими исследованиями и

экспериментами. Кроме того, среди мужчин чаще встречаются лица, страдающие психическими заболеваниями, алкоголизмом и наркотической зависимостью. Все это способствует неуравновешенному поведению в конфликтах с ребенком, желанию использовать свое физическое превосходство над ребенком.

Яркой социально-демографической характеристикой преступников, совершающих данную группу преступлений, является их возрастные показатели. По этой категории преступлений преобладает возраст 36-40 лет (35%). Затем идет возрастная группа 31-35 лет (30%). И, кроме того, достаточно высокой остается преступная активность тех, кто достиг возраста больше 40 лет (15%) и 22-30 лет (20%) [1, с. 729].

Думается, что высокие показатели преступной активности среди молодых лиц (в возрасте от 22 до 30 лет) обусловлены тем, что именно на этом возрастном этапе для большинства людей решаются такие социально значимые вопросы, как: 1) вступление в брак и рождение детей; 2) покупка квартиры или иного жилья; 3) профессиональная реализация и др. Нынешние реалии осложняют решение этих вопросов и тем самым провоцируют возникновение у молодых людей чувства недовольства, ожесточенности из-за несбывшихся прогнозов, неоправданных ожиданий. Эти факторы усиливают агрессивность, которая выливается на самых незащищенных членов общества – детей [1, с. 730].

Совершение преступления, установленного ст. 156 УК РФ, характерно для лиц, имеющих проблемы с образованием, культурой, эмоциональным интеллектом. Следствием этих проблем становится искаженное понимание правильного исполнения родительских обязанностей, а также коммуникаций с детьми.

Анализ уголовных дел о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего показывает, что жертвами этого преступления становятся как мальчики, так и девочки. Пропорция здесь примерно одинакова: мальчики – 51%; девочки – 49%.

Поскольку преступники в большинстве случаев применяют насилие к тем, кто не может себя защитить, среди потерпевших преобладает возраст до 5 лет (50%). При этом, как правило, для преступников не имеет значения состояние

здоровья ребенка. Жестокому обращению подвергаются как физически здоровые дети, так и дети, имеющие отклонения от нормы по состоянию здоровья. Вместе с тем важно сказать о том, что среди потерпевших по уголовным делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего большое количество тех детей, кто имеет проблемы с психическим здоровьем (около 30%) [2, с. 342].

В заключение отметим, что значительно реже случаи неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего встречаются в семьях с усыновленными/удочеренными детьми. Если в семьях с «биологическими» родителями жестокому обращению подвергаются примерно 60% детей, то в приемных семьях этот показатель составляет 20%. То есть случаев жестокого обращения с усыновленными/удочеренными детьми меньше в три раза. Полагаем, что это обстоятельство обуславливает тщательность проверок в отношении лиц, инициирующих процедуру усыновления/удочерения.

Список литературы:

1. Анисимова Е.А. Характерные черты личности преступника при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 26. – С. 728-731.
2. Волосова Н.Ю., Баловнева В.И. Современное состояние профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 2А. – С. 341-348.
3. Набиев Э.Т. Личность преступника и типология личности преступника // Интернаука. – 2021. – № 24-3 (200). – С. 28-30.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ильницкая София Сергеевна

*студент,
кафедра гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар
E-mail: sofimark81@gmail.com*

Щербакова Виктория Юрьевна

*студент,
кафедра гражданского процесса и международного права,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар*

Иваненко Игорь Николаевич

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Кубанский государственный университет,
РФ, г. Краснодар*

REPRESENTATION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Sofia Ilnitskaya

*Student,
Department of Civil Procedure and International Law,
Kuban State University
Russia, Krasnodar*

Victoria Shcherbakova

*Student,
Department of Civil Procedure and International Law,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

Igor Ivanenko

*Scientific supervisor, PhD.
jurid. sciences, associate professor,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

АННОТАЦИЯ

В статье отражена краткая характеристика института представительства в административном судопроизводстве. Изложены критерии, предъявляемые к ли-

цам, участвующим в качестве представителей в административном судопроизводстве. Поднята проблема коллизионности норм Кодекса административного судопроизводства в части регламентации института представительства.

ABSTRACT

The article reflects a brief description of the institution of representation in administrative proceedings. The criteria for persons participating as representatives in administrative proceedings are outlined. The problem of the conflict of laws of the Code of Administrative Procedure in terms of regulation of the institution of representation is raised.

Ключевые слова: представительство, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства.

Keywords: representation, administrative proceedings, Code of Administrative Proceedings.

Институт представительства является классическим в гражданском и арбитражном процессуальном праве. Возникновение представительства в первую очередь является приведением в действие статьи 46 Конституции Российской Федерации, а именно, правом на судебную защиту.

Углубившись в историю данного института, становится ясно, что с развитием общества, правовых отношений, институт представительства получает большее распространение, поэтому с уверенностью можно отметить, что его роль в будущем не уменьшится. Отсюда, требуется детальное изучение данной правовой категории, в частности, ее доработка и совершенствование.

Кодекс Административного судопроизводства является самым молодым в сравнении с Гражданским процессуальным и Арбитражным процессуальным Кодексами (далее – ГПК и АПК). Из этого вытекает, что представительство в административном судопроизводстве отличается новизной и рядом отличий от представительства в гражданском и арбитражном процессе.

Одним из новшеств, ранее неизвестным ГПК и АПК, стало требование, предъявляемое к представителям о наличии у них высшего юридического образования. Данный образовательный ценз был установлен в ст. 55 Кодекса административного судопроизводства редакцией Федерального закона от 02.06.2016 N 169-ФЗ. Таким образом, можно прийти к выводу, что Кодекс административного судопроизводства образовал предпосылки к изменению ст. 49 ГПК.

До 2019 года к лицу, который является представителем в гражданском судопроизводстве, не предъявлялось требований о наличии высшего юридического образования. Однако, Федеральным законом от 28.11.2018 N 451-ФЗ в ГПК по аналогии с КАС появляется образовательный ценз, наряду с этим в оба кодекса добавляется альтернатива в виде наличия ученой степени о юридической специальности. При этом, Арбитражный процессуальный кодекс перенял это новшество после внесения изменений Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 N 451-ФЗ.

На сегодняшний день ведется ни одна дискуссия, связанная с объективностью и справедливостью предъявляемого требования. На первый взгляд, образовательный ценз должен являться гарантом квалифицированной юридической защиты в равной степени, как для административного истца, так и для административного ответчика. Следует подчеркнуть, что это особенно важно в административном судопроизводстве, так как использование института представительства в большей степени направлено на реализацию отдельной нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде.

Требования о наличии высшего юридического образования к договорным представителям в административном процессе вызвали ряд различных мнений среди отечественных административистов, как в пользу введенного требования, так и против него.

Проанализировав работы Л.В. Туманова, мы отмечаем, что наличие диплома не всегда гарантирует глубокие знания [1, с. 29-34]. Кроме того, даже самый квалифицированный юрист не может обладать безупречными знаниями во всех отраслях права. Выражаясь другими словами, наличие высшего юридического образования далеко не всегда гарантируют квалифицированную помощь. Иногда более подходящим для этих целей может оказаться специалист, обладающий знаниями из другой области, например, таможенного, страхового или банковского дела.

Одновременно с тем, И.М. Дивин выдвигает противоположную позицию, отмечая, что появление в действующем процессуальном законодательстве пусть и единичной нормы, предусматривающей участие в суде в качестве представителя лиц, обладающих высшим юридическим образованием, можно рассматривать как шаг в сторону профессионального представительства в суде [2, с. 22-24].

Стоит сказать, что практика выделения такого требования, предъявляемого к представителям в административном судопроизводстве, как профессиональные качества распространена за рубежом. И по сути своей такой подход имеет право быть, так как упоминалось ранее, административный процесс в отдельных случаях требует от представителя знаний шире, чем такими может обладать лицо с высшим юридическим образованием.

Масса споров об объективности требования о наличии высшего юридического образования возникает также среди граждан. Так, судебная практика имеет Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1663-О/2020 по жалобе двух граждан на неконституционность ч. 1 ст. 55 и п. 3 ч. 1 ст. 196 КАС РФ, согласно которым представителями по административным делам в судах должны быть лица, имеющие высшее юридическое образование[3].

В конечном итоге Конституционный Суд не нашел основания для рассмотрения жалобы по существу. Со ссылкой на свое Постановление от 16 июля 2004 г. № 15-П Суд отметил, что конституционное право на судебную защиту и принципы состязательности и равноправия сторон не предполагают выбор по

своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, а право вести свои дела в суде через самостоятельно выбранного представителя не означает безусловное право выбирать в качестве такового любое лицо и не предполагает возможность участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя.

Стоит отметить, что после введения КАС в действие Верховным Судом РФ был дан ряд разъяснений, в том числе по вопросу необходимости наличия у представителя высшего юридического образования. В свою очередь, сами требования к представителям установлены в ч. 1 ст. 55 КАС РФ и заключаются в необходимости наличия полной дееспособности, отсутствия опекунов и попечителей, наличия высшего юридического образования, подтвержденного соответствующим документом. В то же время уровень высшего образования (бакалавр, магистр, специалист, аспирант) значения не имеет. Также законом допускается участие в деле представителя, имеющего ученую степень по юридической специальности (кандидат юридических наук, доктор юридических наук).

Таким образом, анализируя вышеупомянутые позиции, можно сделать вывод, что тенденция, намеченная законодателем, имеет положительный вектор развития и преследуемая цель – обеспечение квалифицированной юридической защиты носит позитивный характер. Однако, на практике часто встречается то, что обеспечение безусловной гарантии надлежащего исполнения обязательств со стороны представителя, является мнимой. Так, в случае, когда лицо по ряду причин не может привлечь к участию в деле представителя, при оспаривании действия (бездействия) органа власти, и представляет свои интересы лично, то в соответствии с толкования законодательной позиции, административный истец лишается права на равноправный, состязательный процесс.

Следует признать, что само по себе наличие высшего юридического образования не способно обеспечить качественную юридическую помощь по административным делам, поскольку данные дела обладают существенной спецификой и во многих случаях требуют специализации на их ведение. В связи с

этим наиболее эффективным является ведение в суде данных дел адвокатами – специалистами по административным делам.

Кроме того, в КАС РФ воспроизведена неудачная норма, содержащаяся в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (АПК РФ), вызвавшая и продолжающая вызывать споры по поводу ее толкования и порождающая различные варианты последнего, согласно которой полномочия адвоката на ведение дела в суде (в данном случае административного) удостоверяется в соответствии с федеральным законом. При этом, как и в АПК РФ, не уточнено, о каком «федеральном законе» здесь идет речь, что само по себе способно вызвать затруднения при применении приведенной нормы. Анализ же действующего законодательства показывает, что таким законом должен быть признан Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», содержащий общие положения об оформлении полномочий адвоката – представителя в суде.

Так, согласно п. 2 ст. 6 указанного Закона, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием, в случаях, предусмотренных федеральным законом. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности. В связи с этим образуется замкнутый круг: КАС РФ, являющийся федеральным законом, при решении вопроса об оформлении полномочий адвоката на ведение административного дела в суде отсылает к другому федеральному закону, который, в свою очередь, содержит отсылку к федеральному закону, то есть в данном случае к тому же КАС РФ. Коллизионность данных норм лишь запутывает в вопросе, тем самым служит основанием для высказывания по нему различных мнений. Очевидно, что как и в АПК РФ, в КАС РФ все же следовало бы непосредственно определить порядок оформления полномочий адвоката-представителя.

Подводя итог, стоит высказаться о том, что глава 5 «Представительство в суде» КАС РФ показывает наличие в ней, наряду с отдельными законодательными достижениями, значительного количества разнородных недостатков, начиная с существенных и заканчивая носящими более частный характер. Не-

которые нормы данной главы, в частности, определяющие круг лиц, которые могут выступать в административном судопроизводстве в качестве представителей, являются спорными и способными породить дискуссию. Без всякого сомнения, все это свидетельствует о необходимости обсуждения и решения в дальнейшем многочисленных проблем законодательного регулирования представительства в административном судопроизводстве, возникших с принятием КАС РФ.

Список литературы:

1. Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. №3. С. 29–34.
2. Дивин И.М. Взгляд на профессиональное судебное представительство сквозь призму процессуального законодательства // Российская юстиция. 2018. №3. С. 22–24.
3. Легалакт [Электронный ресурс]-<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23072020-n-1663-o>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

*Электронный сборник статей по материалам СХІХ студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 11 (117)
Ноябрь 2022 г.

В авторской редакции

Издательство ООО «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 5.

E-mail: mail@sibac.info

16 +

СибАК
www.sibac.info